

BioWare™

DRAGON AGE™



ДЭВИД ГЕЙДЕР

ПРИЗЫВ

Dragon Age

Дэвид Гейдер

Призыв

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Гейдер Д.

Призыв / Д. Гейдер — «Азбука-Аттикус», 2009 — (Dragon Age)

ISBN 978-5-389-15583-1

«Dragon Age» – популярная компьютерная игра в жанре темной фэнтези, завоевавшая множество наград. «Серые Стражи» на протяжении многих лет хранят тайну местонахождения древних драконов, которая ни при каких обстоятельствах не должна попасть в лапы порождений тьмы, давным-давно загнанных в подземелье. Если эти мерзкие твари сумеют отыскать божественного дракона, они снова вырвутся на поверхность, уничтожая все живое на своем пути. И когда один из Серых Стражей бесследно исчезает на Глубинных тропах, его собратям ничего не остается, кроме как спуститься под землю вслед за ним, чтобы защитить свой страшный секрет. Проводником отважных воинов соглашается стать сам король Мэрик, однажды уже побывавший в этом аду и умудрившийся вернуться оттуда живым...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-15583-1

© Гейдер Д., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	47
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дэвид Гейдер Dragon Age. Призыв

David Gaider

Dragon Age: The Calling

Text Copyright © 2010 by Electronic Arts, Inc.

© Т. Кухта, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Ли,
моему самому большому поклоннику*

Благодарности

Я считаю своим долгом выразить признательность добрым друзьям, которые обеспечивают меня столь необходимыми откликами и охотно держат за руки всякий раз, когда я в приступе дурацкого самобичевания пытаюсь изорвать в клочья собственные труды. Их терпение и снисходительность являются источником неиссякаемой силы, и за это я вечно буду им благодарен. Отдельное спасибо Джордан, верной союзнице, которая безмерно способствует тому, чтобы я совершенствовался как писатель. Надеюсь, когда-нибудь мне представится возможность сделать то же самое для нее.

Огромное спасибо также Джею и Даниэль – за то, что позволили мне ради своих корыстных целей бессовестно передирать их черты. Это было болезненно, но прекрасно. Ребята, вы изрядно облегчили мою работу, впрочем, как и всегда.

И напоследок позвольте прокричать троекратное «гип-гип-спасибо!» компании «BioWare» и ее онлайн-сообществу – за поддержку и неугасающий энтузиазм. В те дни, когда я не рву на себе последние волосы от отчаяния, я безмерно рад тому, что у меня есть эта работа – пожалуй, лучшая работа в мире.

Глава 1

Где света нет, там торжествует тьма.

Погребальные Песни, 8:21

Еще год назад Дункан мог попасть во дворец лишь при одном условии – если бы в спину упирался меч тюремного стражника. Да и то вряд ли. В Орлее аристократы не судили мелких уличных воришек. Лучшее, на что Дункан мог рассчитывать, – это скучающий чиновник в затхлом зале суда, расположенном как можно дальше от пышных дворцов знати.

Вот только здесь не Орлей, а он, Дункан, больше не уличный воришка. Он в королевском дворце Денерима, столицы Ферелдена, и надо признать, что этот дворец не производит на него ровным счетом никакого впечатления.

Город насквозь продували зимние ветры, и Дункан еще никогда в жизни так не мерз. Местные жители, как ни в чем не бывало бродившие по заваленным снегом улицам, предусмотрительно кутались в одежду из плотной кожи и меха, но Дункан, сколько бы ни напяливал одежек, не мог согреться.

Во дворце было немногим лучше. Дункан надеялся, что хотя бы здесь на его долю достанется малая толика тепла. Ему грезились громадные очаги, в которых жарко пылает огонь, надежно прогревая весь дворец. Вместо этого Дункан, один-одинешенек, сидел на скамье в пустынном зале, и вокруг высились каменные заиндевевшие стены. Судя по грязи на полу, высоко в деревянных балках гнездились голуби, и во всей обстановке не было заметно ни малейшего намека на украшения. Эти ферелденцы без ума от громадных, прочных, сколоченных из дуба дверей. Еще они обожают деревянные скульптуры псов, вонючее пиво и, кажется, даже снег. Во всяком случае, такое впечатление сложилось у Дункана в первый день пребывания в этой стране.

А вот чего ферелденцы совершенно точно не любят, так это Орлей и орлесианцев. Пока Дункан торчал в этом зале, мимо прошло около десятка дворцовых слуг и челяди, и все они косились с подозрением, а то и с неприкрытой враждебностью. Даже две служанки-эльфийки, которые пробежали по залу, о чем-то беспокойно шептались, – даже они уставились на Дункана так, словно он вот-вот рванет в бега, прихватив столовое серебро.

Впрочем, вполне вероятно, что все эти косые взгляды никак не связаны с тем, что он, Дункан, явился сюда из Орлея. В конце концов, он несколько не был похож на орлесианца. Смуглая кожа и копна темных волос недвусмысленно говорили о его ривейнском происхождении. Его черный доспех состоял из перекрывавших друг друга полос кожи с пряжками – такие не носили практичные ферелденцы. Плюс ко всему за поясом торчали два парных кинжала, которые Дункан даже не подумал спрятать. Все эти детали отнюдь не придавали ему респектабельности в глазах местных жителей.

На самом деле, если из-за чего-то и стоило глазеть на гостя, то лишь из-за того, что он носил серую тунику с изображением грифона. В любой другой стране Тедаса один только этот знак вызвал бы опасливые взгляды и многозначительные гримасы. В любой, но только не в Ферелдене. Здесь эта эмблема была практически неизвестна.

Дункан обреченно вздохнул. Сколько же еще ему придется ждать?

Наконец громадная дубовая дверь в конце зала распахнулась, пропуская молодую эльфийку. Даже для представительницы своей расы она была на удивление невелика ростом – почти ребенок, с большими выразительными глазами и каштановыми, коротко стриженными волосами. Вид у нее был раздраженный, и Дункана это ни капельки не удивило. Будучи магом,

эльфийка наверняка получала свою порцию косых взглядов. Правда, она была одета совсем не так, как обычно одевались маги: вместо традиционной мантии длинная юбка из синего полотна и кольчуга искусного мелкого плетения, – но магический посох оставался при ней – белый, гладкий и блестящий, и в навершии его красовался серебристый шар, который непрерывно излучал рассеянное свечение магической энергии. Эльфийка никогда с ним не расставалась.

Она направилась напрямик к Дункану, энергично стуча по полу каблуками. Когда эльфийка подошла ближе, раздраженная гримаса на ее лице сменилась неподдельным весельем.

– А ты все сидишь тут, как я погляжу.

– Если бы я ушел, Женестьева отрубил бы мне ноги.

– Ах, бедняжка!

– Заткнись, Фиона! – огрызнулся Дункан, впрочем без особой злости. Он знал, что эльфийка, скорее всего, и в самом деле сочувствует ему, самую малость. Просто она совершенно ничем не может ему помочь. Дункан вздохнул, исподлобья глянул на Фиону. – Ты видела командора?

Девушка, посерьезнев, кивнула на дверь:

– Она все еще ведет переговоры с капитаном городской стражи – по твоей, между прочим, милости.

– Переговоры? Она ведет переговоры?

– Ну, точнее, это он ведет переговоры. Она только сверлит его взглядом и не уступает ни на дюйм. – Фиона оглядела Дункана, выразительно вскинув бровь. – Знаешь, если хорошенько подумать, то тебе, можно сказать, повезло.

– Да уж, повезло, – вздохнул он и снова с удрученным видом плюхнулся на скамью.

Они ждали еще несколько минут – Фиона, опираясь на белый посох, стояла рядом с Дунканом, – и наконец из-за двери донеслись приближающиеся голоса. Створки распахнулись, с грохотом ударившись о стены, и в зал вошли двое.

Первой шагала седовласая женщина-воин в пластинчатом, грозного вида доспехе. На ее жестком, с резкими чертами лице запечатлелся многолетний опыт, и двигалась она с властной уверенностью человека, который не привык слышать – да обычно и не слышал – возражений. За ней следовал черноволосый мужчина в роскошной желтой мантии – Ремийе, Первый Чародей Круга магов, по сути главный маг Ферелдена. Тем более странным могло бы показаться, что остроконечная бородка и завитые напомаженные усы выдавали в нем орлесианца. Дункан заключил, что Ремийе принадлежит к тем, кто полагает, будто вернее добиться успеха вне пределов империи, пусть даже это означает занять высокую должность в захудалом королевстве, лишь восемь лет назад сбросившем орлесианское правление. По крайней мере в данном случае Ремийе явно не обманулся в ожиданиях.

Сейчас маг заискивающе и фальшиво улыбался женщине-воину, а она всеми силами давала понять, что в упор его не видит.

– Леди Женестьева, – воззвал он, нервно сплетая и расплетая пальцы, – уверены ли вы, что...

Женщина резко остановилась и, развернувшись к магу, вперила в него тяжелый взгляд.

– Можешь обращаться ко мне «Женестьева», – процедила она. – Или «командор». Более никак.

– Прошу прощения, командор! – поспешно извинился маг. – Так уверены ли вы, что в этом была необходимость? В конце концов, ваш орден вовсе не склонен вступать в конфликт с королем Мэриком...

– Мы уже вступили в конфликт с королем Мэриком. – Женестьева метнула убийственный взгляд в сторону Дункана, и он съезжился, стараясь укрыться за спиной Фионы. – И наш орден не опустит головы ни перед кем, а тем более перед полудурком в чине капитана стражи, который возомнил, будто у него больше власти, чем ему положено.

Маг хотел было возразить, но Женестьева, пресекая на корню эту попытку, повернулась к нему спиной и широким шагом направилась туда, где сидел Дункан.

Он отвел глаза, спасаясь от ее негодующего взгляда.

– Надеюсь, ты доволен? – жестко спросила она.

– Был бы доволен, если бы смылся с добычей.

– Хватит ребячиться! – Женестьева резко взмахнула рукой, и Дункан, повинувшись этому жесту, неохотно встал. – Как тебе прекрасно известно, мы прибыли в Ферелден не затем, чтобы ввязываться во всякую ерунду. Ты больше не тот мальчишка, которого я нашла в Вал Руайо. Не забывай об этом.

С этими словами она рукой в латной перчатке взяла Дункана за подбородок и посмотрела прямо в глаза. Во взгляде ее Дункан различил только сдержанный гнев, смешанный с разочарованием, и лицо его вспыхнуло от смятения.

– Не забуду, – мрачно пробормотал он.

– Вот и хорошо. – Женестьева развернулась к топтавшемуся у нее за спиной Первому Чародею. – Тогда, я полагаю, король готов нас принять?

– Король ждет вас. Пойдемте.

Все трое направились за магом по длинному сумрачному коридору. Здесь было даже холоднее, чем в других помещениях дворца, и сквозь щели со свистом задувал ветер. На стенах тут и там белел иней, и дыхание срывалось с губ легкими облачками. «Превосходно! – мысленно проворчал Дункан. – Видимо, мы пришли сюда затем, чтобы замерзнуть до смерти».

Они вошли в просторную приемную, где в беспорядке были расставлены пыльные кресла. Дункану представилось, как в иное время в этих креслах могли восседать дворяне, ожидавшие высочайшей аудиенции. Сейчас с кресел, едва маг и его спутники вошли в приемную, поднялись и замерли навтыжку еще четверо: трое мужчин и гномка – все в таких же серых туниках, какую носил и Дункан. Двое мужчин были рослые воины, облаченные, как Женестьева, в пластинчатую броню; третий – лучник в капюшоне и легком кожаном доспехе. На гномке под серой туникой было простого покроя длинное одеяние, подобное тем, которые носили маги, – хотя сама она, конечно, никак не могла им быть.

Первый Чародей миновал их, не замедлив шага, и рывком распахнул громадную двустворчатую дверь в тронный зал. Женестьева направилась за ним и нетерпеливо махнула рукой всем остальным, призывая не отставать.

Тронный зал ферелденских королей выглядел более впечатляюще, чем прочие помещения дворца. Когда Серые Стражи вошли в зал, Дункану пришлось приложить все усилия, чтобы не глазеть по сторонам разинув рот. Сводчатый потолок располагался на высоте добрых тридцати, а то и сорока футов, а в самом помещении могли бы одновременно без труда расположиться несколько сотен человек. Справа и слева от входа тянулись вдоль стен галереи, и Дункану представилось, как сановники, рассеявшиеся там, ожесточенно спорят друг с другом, а внизу вопит и беснуется толпа. Или, может быть, в Ферелдене все это выглядит не так? Может, здешние политические собрания проходят в величавой тишине? Может, тут при дворе любят потанцевать, и именно в тронном зале – как в Орлее – часто устраиваются потрясающие балы?

Впрочем, как раз в этом Дункан сомневался. Вид у тронного зала был настолько унылый и нежилой, что впору было усомниться, что сюда вообще заходят люди, не говоря уж о собраниях и балах. Развешанные по стенам гобелены, в основном исполненные в темных и унылых тонах, изображали сцены из какого-то старинного сражения, выигранного целую вечность назад давно канувшим в забвение варварским корольком. Одну из стен почти целиком занимала массивная резьба с изображением практически голого воина, который успешно расправлялся с волками-оборотнями. «Странный выбор», – подумал Дункан.

Сам королевский трон, расположенный в дальнем конце зала, представлял собой не более чем тяжелое кресло с высокой спинкой, которую венчала резная собачья голова. Трон стоял на

большом помосте высотой в несколько ступеней, с пылающими факелами по краям, и оттого казался издали совсем небольшим – однако не заметить его было невозможно.

На троне восседал в небрежной позе какой-то человек, и Дункан без особой уверенности предположил, что это и есть король. Если это так – его величество явно страдал от затяжной бессонницы. Светлые волосы были изрядно растрепаны, а в такой одежде, с точки зрения Дункана, ни один уважающий себя аристократ не позволил бы показаться на люди: мятая белая рубаха, сапоги для верховой езды, до сих пор облепленные грязью.

Куда больше был похож на короля тот, кто стоял рядом с тронном, – черноволосый, в серебристо-серых доспехах. Взгляд у него был острый, зоркий, как у хищной птицы, и на вошедших в зал Стражей он смотрел напряженно и зло.

– Счастлив видеть ваше величество в настолько бесспорном здравии! – провозгласил Первый Чародей, дойдя наконец до трона и с напыщенным видом отвесив низкий поклон.

Женевьева, шедшая следом, опустилась на одно колено. То же сделали прочие Стражи. Дункан без особого рвения последовал их примеру. Ему говорили, что орден не служит никому королю и никакому королевству, но тем не менее Стражи, как видно, все же преклоняют колени перед властью имущими, если сочтут необходимым покрасоваться.

– Благодарю, Первый Чародей, – ответил светловолосый человек, восседавший на троне. Стало быть, заключил Дункан, это все-таки король. – Так это и есть те самые Серые Стражи, которых ты так уговаривал меня принять? – продолжал король, с неподдельным интересом разглядывая гостей.

– Совершенно верно, ваше величество, – они. С вашего разрешения...

Король согласно махнул рукой. Довольный, маг повернулся к спутникам и обвел их широким жестом, как если бы демонстрировал королю нечто крупное и величественное.

– Позвольте мне, ваше величество, представить вам Женевьеву, командора Серых Стражей Орлея. Именно она поведала мне о некоей насущной потребности ордена, вследствие чего я и доставил ее на встречу с вашим величеством.

С этими словами маг снова поклонился и отступил в сторону, открыв королевскому взору Женевьеву. Ее белоснежно-седые волосы в свете факелов сияли ослепительным ореолом. Задержавшись на секунду, чтобы поправить нагрудник, она с угрюмым видом выступила вперед:

– Король Мэрик, я прошу прощения за то, что мы явились с некоторым опозданием. У нас не было намерения вызвать ваш гнев.

Мрачный воин в серебристо-серых доспехах презрительно фыркнул:

– Вы, Серые Стражи, и с самыми лучшими намерениями способны вляпаться в Ферелдене не в одну переделку.

Лицо Женевьевы даже не дрогнуло, однако Дункан заметил, что женщина напряглась. Женевьева немало гордилась славным именем ордена, а нрав у нее и в лучшие времена был достаточно крутой. Другу короля следовало бы поаккуратнее выбирать слова.

Мэрик, беспечно рассмеявшись, взмахом руки указал на воина, стоявшего рядом с тронном:

– Это Логейн, тейрн Гварена. Не знаю, слышали ли вы о нем у себя в Орлее.

Женевьева коротко кивнула:

– Герой реки Дейн. Да, конечно же, всем нам знакомо это имя.

– Слышал? – шутливым тоном окликнул король Мэрик своего друга. – Ты, оказывается, весьма знаменит в империи. Тебя это должно порадовать.

– Я просто в восторге, – сухо отозвался Логейн.

– Если тейрн имеет в виду наше изгнание из Ферелдена, случившееся две сотни лет назад, – начала Женевьева, – я могла бы дать исчерпывающие объяснения...

Логейн одарил ее ледяным взглядом:

– Уж в этом я не сомневаюсь.

Женевьева стиснула зубы с такой силой, что стоявший позади Дункан увидел, как натянулись жилы у нее на шее. В тронном зале надолго воцарилась неловкая тишина. Слышно было, лишь как потрескивает огонь факелов.

Первый Чародей поспешил вмешаться в эту перепалку.

– Но ведь нам нет никакой нужды спорить сейчас о том, что случилось столько лет назад! – примирительно проговорил он. – Что бы ни совершила тогда командор Серых Стражей, это не имеет ни малейшего отношения к нынешним событиям!

С этими словами маг умоляюще поглядел на короля Мэрика.

Тот кивнул, хотя вид у него был недовольный. Дункан не мог определить, что именно больше не нравилось королю – явная злоба тейрна или ответное поведение Женевьевы.

– Совершенно верно, – пробормотал король.

– В таком случае у меня есть вопрос, который уж точно касается нынешних событий! – прорычал тейрн Логейн. – С какой стати вы заставили нас так долго ждать? Если бы я приложил столько усилий, чтобы добиться приватной аудиенции Мэрика, я бы, уж верно, вылез из кожи вон, только бы не рассердить его. Особенно если бы собирался попросить его о какой-то услуге... так ведь?

Король пожал плечами:

– Логейн, они пока еще ни о чем не попросили.

– Ну так попросят. иначе к чему им потребовалось бы официально представляться тебе? иначе к чему весь этот спектакль?

– Логично.

Женевьева с явным трудом подбирала подходящие слова для ответа.

– Король Мэрик, – наконец проговорила она, – один из моих спутников совершил в твоём городе преступление. Мне пришлось уладить это дело прежде, чем оно приняло неприятный оборот.

Дункан похолодел от ужаса. «Ну вот, началось», – обреченно подумал он.

Логейн, казалось, уже готов был гневно высказаться, но король опередил его. Он выпрямился, подался вперед, всем своим существом выражая неподдельный интерес.

– Преступление? Какое?

Женевьева тяжело вздохнула и, повернувшись, жестом велела Дункану выйти вперед. Взгляд ее при этом неотступно сверлил его. «Посмей только сейчас что-нибудь выкинуть, – казалось, говорила она, – и я превращу всю твою оставшуюся жизнь в кошмар, которого ты не забудешь и на том свете». Дункан судорожно сглотнул и торопливо встал рядом с ней.

– Этого юношу, – сказала Женевьева, – зовут Дункан. Он был призван в орден всего пару месяцев назад напрямик с улиц Вал Руайо. Боюсь, он попытался вспомнить на вашем рынке свое прежнее ремесло, а когда за ним погнались стражники, вступил в драку с одним из них. Стражник был ранен, но остался жив.

– Я мог бы убить его! – запальчиво перебил ее Дункан. Перехватив полный ярости взгляд Женевьевы, он поспешно отвесил испуганный поклон королю. – Но не убил же! Мог, но не убил! Вот что я хотел сказать, ваше... э-э... высочество... милорд...

– Ваше величество, – поправил его Логейн.

– Мои стражники порой проявляют избыточное рвение, – добродушно заметил король. Дункан не сразу сообразил, что обращается он не к Женевьеве, а именно к нему, Дункану. – Логейн преисполнен решимости превратить Денерим в самый законопослушный город юга. По правде говоря, мне кажется, что все эти меры приводят только к одному – загоняют преступников в подполье.

– Я и сам был бы не прочь там отсидеться, – пошутил Дункан, но тут же прикусил язык, потому что Женевьева стиснула кулаки в латных перчатках с такой силой, что он расслышал

едва различимый скрежет металла. Дункан приложил все усилия, чтобы придать себе смиренный вид.

– Он весьма искушен в своем ремесле, король Мэрик, – сухо пояснила Женевьева. – Я, однако, подозреваю, что этот молодой человек надеется, будто, если он напроказит, мы освободим его от исполнения долга. Он заблуждается.

Короля ее слова явно заинтриговали.

– Тебе не нравится быть Серым Стражем? – спросил он, обращаясь к Дункану.

Тот не знал, что и ответить. Его поразило, что король Ферелдена снова обратился напрямую к нему. Даже самый захудалый орлесианский барон скорее позволил бы окунуть себя в масло и поджечь, чем показать, что он обращает хоть какое-то внимание на простолюдина. Тем проще было обчищать карманы орлесианской знати. Может, потому, что все они Серые Стражи, король не сообразил, что Дункан принадлежит к низшему сословию? Юноша пришел к выводу, что должен чувствовать себя польщенным, хотя и сильно сомневался, что чрезмерное внимания короля пойдет ему во благо.

Женевьева неотрывно смотрела на короля Мэрика, и лицо ее оставалось подчеркнуто бесстрастным. А потому Дункан переминался с ноги на ногу, между тем как король с любопытством смотрел на него и ждал ответа. Неужели он не мог привязаться к кому-нибудь другому? Все равно к кому, только бы к другому? Наконец тейрн Логейн кашлянул:

– Мэрик, может, перейдем к тому, ради чего они сюда явились?

– Если только король не пожелает, чтобы юноша был предан в руки закона, – совершенно серьезно отозвалась Женевьева. – Пребывая в вашей стране, мы обязаны подчиняться вашим законам. Серые Стражи исполняют желание вашего величества.

Сердце Дункана гулко ухнуло в пятки, однако тревожился он зря. Король отмахнулся от этой идеи, словно от назойливой мухи:

– Не думаю, что в этом есть необходимость. Камеры в форте Драккон и так переполнены.

Логейна явно так и подмывало высказаться, однако он смолчал. Дункан наскоро отвесил пару поклонов и, пятясь, вернулся туда, где стояли прочие Серые Стражи. На лбу у него выступили крупные капли пота.

Женевьева учтиво наклонила голову:

– Благодарю, ваше величество.

– Меня куда больше интересует, что привело вас сюда. Может, приступите?

Женевьева помедлила, глубокомысленно сомкнув перед собой руки. Дункану был хорошо знаком этот жест: она прикидывает, как много можно ему рассказать. Так же хорошо Дункан знал, каким будет ее ответ. У Серых Стражей имелось немало тайн, и они никогда не говорили больше, чем требовала крайняя нужда. Этому Дункан выучился на редкость быстро.

– Один из наших братьев был схвачен порождениями тьмы, – медленно проговорила Женевьева. – Здесь, в Ферелдене. На Глубинных тропах.

– И что с того? – насупился Логейн. – Каким образом это касается нас?

Женевьева явно не хотелось продолжать.

– Этот Серый Страж знает, где находятся Древние Боги.

И король, и тейрн Логейн воззрились на нее с одинаково потрясенным видом. В зале повисла напряженная тишина. Первый Чародей шагнул вперед, взволнованно дергая прихотливо завитый ус:

– Именно потому, милорды, я и счел это дело крайне деликатным. Если порождения тьмы сумеют узнать местонахождение Древнего Бога...

– Начнется Мор, – договорила за него Женевьева.

Король Мэрик мрачно кивнул, однако Логейн недоверчиво покачал головой.

– Не верь этой чуши, – нахмурясь бросил он. – Мора не было уже несколько столетий. Порождений тьмы вообще почти не видно на поверхности – что уж говорить о полномесном

вторжении? Серые Стражи хотят напугать нас, только и всего. Со времен последнего Мора этот орден изрядно растерял былое значение и теперь пойдет на что угодно, чтобы устрасить мир и доказать свою необходимость.

– Уверяю вас, это правда! – выкрикнула Женестьева. В два широких шага она оказалась перед тронном и опустила на одно колено. – Ваше величество, этот секрет известен считаным Серым Стражам. Если порождения тьмы каким-то образом узнают, что этот Страж – один из посвященных, и вырвут у него тайну – они поднимутся на поверхность! И случится это здесь, в Ферелдене!

– Вы уверены? – выдохнул король.

Женестьева подняла голову и в упор глянула на него:

– Милорд, вы ведь своими глазами видели порождений тьмы, не так ли? Вам известно, что они не выдумка.

После ее слов наступило молчание, и король Мэрик заметно побледнел. По ужасу, отразившемуся на его лице, Дункан понял, что Женестьева права. Этот человек видел порождений тьмы собственными глазами. Только у того, кто их видел, может быть такое лицо.

Король задумчиво потер подбородок:

– Полагаю, вы просите разрешения войти в Ферелден, чтобы искать этого пропавшего Стража?

– Нет.

Король Мэрик и Логейн переглянулись, явно придя в замешательство.

– Что же вам тогда нужно? – спросил Логейн, обращаясь к Женестьеве.

Та наконец выпрямилась, отступив на шаг от трона:

– Если бы мы нуждались только в том, чтобы организовать поиски, мы вошли бы на Глубинные тропы из Орзаммара и вы никогда не узнали бы об этом. Ваша власть, король Мэрик, ограничивается только поверхностью Ферелдена, и вам это хорошо известно.

Логейн, судя по его виду, собирался что-то возразить, но король вскинул руку, остановив его.

– Справедливо сказано, – спокойно проговорил он.

– Нам прекрасно известно, где следует искать нашего похищенного собрата. Мы не знаем другого: как туда попасть? Мы полагаем, что вы двое – единственные из всех живущих, кто способен это сделать.

– Вы и впрямь предлагаете то, о чем я сейчас подумал? – изумленно осведомился Логейн.

– Восемь лет тому назад вы двое путешествовали по Глубинным тропам, – сказала Женестьева. – Вы повстречали отряд Легиона Мертвых под командованием Налтура из дома Канарек, и эти гномы помогли вам в восстании против Орлея. Нам известно, что так и было, поскольку три года назад, во время своего визита в Орзаммар, вы рассказали об этом королю Эндрину, и гномы Хранители занесли это событие в Хроники.

– Каждое ваше слово – истинная правда, – кивнул король.

– Вы прошли Глубинными тропами под восточным Ферелденом, в тех местах, где уже больше столетия не ступала нога гнома. Или, по крайней мере, не осталось в живых никого, кто мог бы об этом поведать. – Женестьева вздохнула, и лицо ее потемнело. – Вы двое – единственные из живущих, кто побывал в тейге Орган. Именно туда нам и надо попасть.

На несколько долгих минут в тронном зале опять воцарилось молчание. Дункан слышал, как ерзают прочие Серые Стражи, стоявшие на коленях позади него. Краем глаза он покосился на Фиону, но эльфийка сделала вид, что не замечает его взгляда. Ее явно устраивало, что никто не обращает на нее внимания. Дункана это тоже куда как устроило бы.

Первый Чародей все сплетал и расплетал пальцы, и на лбу его, несмотря на холод в зале, выступили крупные капли пота. Женестьева терпеливо ждала, пока двое мужчин, стоявшие на помосте, не переверят сказанное.

– У гномов наверняка есть карты... – начал король Мэрик.

– Неточные, – покачала головой Женестьева. – Глубинные тропы изменились, а нам, быть может, понадобится пройти и дальше тейга Орган. Нам нужен проводник, тот, кто когда-то уже был в тех местах. – Она повернулась к тейрну Логейну. – Мы надеялись, ваша милость, обратиться за помощью к вам. Вы известны как доблестный воин и...

– Нет, – бесстрастно отрезал Логейн.

– Неужели вы не понимаете, как это важно?

– Я понимаю, как это важно для вас или как вы стремитесь убедить нас, что это важно. – Логейн презрительно махнул рукой. – Кто знает, что вы задумали на самом деле? Правда, замечательно вышло бы, если бы Герой реки Дейн вдруг оказался окружен орлесианцами, да еще в таком месте, где его смерть можно списать на все что угодно?

– Не будьте глупцом! – крикнула Женестьева, ринувшись к нему на помост.

Дункан напрягся, ожидая, что засевающие в потайных местах стражники сейчас выскочат из укрытий и набросятся на них прежде, чем Женестьева доберется до тейрна, но этого не произошло. Оставалось лишь гадать, сколько правителей согласилось бы на частную встречу с группой вооруженных Серых Стражей. Пожалуй что немного. Однако порыв Женестьева не встревожил и ни в малейшей степени не разгневал обоих мужчин.

– Мы не прихоти ради обратились к вам с такой просьбой! Вы хоть представляете, что станет с этой страной, если в ней начнется Мор?

Логейн не тронулся с места, не отступил ни на шаг, в упор глядя на воительницу льди-сто-голубыми глазами.

– Если хотите, мы можем рассказать вам, в какую сторону идти. Вы доберетесь до тейга так же, как это сделали мы, и наверняка обнаружите, что он по-прежнему кишит пауками. Советую прихватить с собой огонь.

– Нам нужно не только указать дорогу! Это дело чрезвычайной важности!

– Мы с Мэриком были там недолго и восемь лет назад! – В голосе Логейна звенело нескрываемое презрение. – Что, по-твоему, мы должны были запомнить, глупая ты баба?

– Да хоть что-нибудь! – не уступала она. – Все что угодно!

– Я пойду, – прозвучал негромкий голос короля.

Его расслышали не сразу. Логейн как раз собирался огрызнуться на очередную реплику взбешенной Женестьева и вдруг осекся. Медленно развернувшись, он смятенно воззрился на Мэрика:

– Что ты сказал?

– Я сказал, что пойду с ними. – Король, казалось, не меньше Логейна был изумлен собственными словами, как будто они сорвались с уст помимо его воли. – Я сделаю это. Проведу их в тейг Орган.

Если бы сейчас в тронном зале упала булава, это прозвучало бы как удар грома. Дункан нервно кашлянул и покосился на Фиону, которая стояла, преклонив колени, рядом с ним. Судя по ее лицу, она была ошеломлена так же, как сам Дункан. Она тоже понятия не имела, отчего король внезапно решил исполнить их просьбу. Вся эта ситуация выглядела на редкость дико. Первый Чародей застыл, точно ноги его приросли к полу, и лицо его исказилось от нешуточного беспокойства.

– Ты этого не сделаешь!

Логейн совершенно потерял самообладание. Дункану даже почудилось, что он сейчас выхватит меч. Неужели он поднимет руку на собственного короля? В конце концов, у них тут в Ферлдене все по-своему.

Женестьева, вне себя от ужаса, выступила вперед:

– Мы не можем подвергнуть вас такому риску! Вы король Ферлдена, а помощь, о которой мы просим, – дело весьма и весьма опасное!

– Согласен! – поддержал ее Логейн. – Никому не следует рисковать жизнью ради осуществления такого нелепого плана... Да нет, это даже не план! Это лишь зыбкая надежда, основанная... На чем, кстати? Как вы можете быть уверены, что этот ваш Страж вообще до сих пор жив?

Женевьева скрежетнула зубами, не сводя упорного взгляда с короля:

– Мы в этом уверены.

– Почему? Что ты недоговариваешь?

Король Мэрик встал с трона, оборвав их обоих.

– Я пойду, – твердо повторил он. – Я отведу этих Стражей в тейг Орган. Думаю, дорогу я не забуду.

Тейрн Логейн возмущенно воззрился на короля. Он явно изнывал от желания разразиться гневными возражениями, однако не хотел высказывать их вслух в присутствии посторонних. Судя по тому, как смотрел на него Мэрик – почти с обидой, – было ясно, что, как только они останутся вдвоем, между ними разразится нешуточный спор. Видно было, что этот Логейн для короля не просто советник. Он гораздо ближе, быть может почти брат.

Женевьева, похоже, совершенно растерялась, однако отвесила низкий поклон и попятилась. Дункан прекрасно понимал ее смятение. Он и раньше считал, что идея пригласить в проводники Героя реки Дейн сама по себе достаточно безумна, но это уже просто смешотворно.

Вскоре король наверняка передумает, и Серым Стражам предложат справляться собственными силами. Быть может, их даже снова вышвырнут из Ферелдена – кто знает? Дункан, кстати, не был уверен, что такой исход будет плох. В том, чтобы махнуть рукой на предстоящий поход, было нечто весьма притягательное.

Первый Чародей Ремийе осторожно двинулся к трону, молитвенно сложив руки:

– Ваше величество, вы уверены, что это разумно? Не лучше ли было бы тейрну...

– Нет, – перебил его король. – Я принял решение. – С этими словами он снова сел на трон, глядя исключительно на Женевьеву и намеренно не обращая внимания на Логейна. – Командор, я вскоре с вами свяжусь, чтобы обо всем договориться. А теперь мне хотелось бы, чтобы вы оставили меня наедине с тейрном.

У Первого Чародея был такой вид, словно он опять хочет что-то сказать, но Женевьева, глядя на него, покачала головой. Отвесив изящный поклон, она повернулась к выходу. Дункан и все прочие последовали за ней. Двое мужчин на помосте едва ли обратили внимание на их уход.

Когда тронный зал опустел, Мэрик откинулся на спинку трона, ожидая, что Логейн сейчас разразится неизбежными обвинениями. Теперь всякий раз, когда они встречались, Логейн был облачен в массивный серебристо-серый доспех. Он добыл этот доспех у командира шевалье в битве при реке Дейн и носил трофей, не снимая, до самого победного парада, который прошел в Денериме несколько лет спустя. Народ его за это обожал, а Мэрик над ним подсмеивался.

По прошествии лет, однако, ему все меньше хотелось смеяться. Вначале Логейн, Мэрик и Роуэн без устали трудились над восстановлением страны. Так много нужно было сделать, столько проблем оставил уход орлесианцев, что, казалось, на все просто не хватит времени.

То были нелегкие годы, но на свой лад восхитительные. Все время нужно было принимать трудные решения, и король с этим справлялся, хотя каждое такое решение отнимало частицу его души. Ферелден вновь окреп и набрался сил – как они и мечтали. Когда у Роуэн наконец родился сын, Мэрику подумалось, что вот теперь он может позволить себе побыть хоть чуточку счастливым.

А потом она умерла, и все изменилось.

Логейн смотрел на Мэрика так, словно понятия не имел, кто это такой. Внезапно он выхватил меч и приставил его острием к груди короля.

– На! – отрывисто бросил он.

– Спасибо, у меня есть свой.

– Это не чтобы ты его взял. Это чтобы ты бросился на него, раз уж тебе так захотелось свести счеты с жизнью.

Мэрик почесал переносицу и вздохнул. Логейн, которого он знал прежде, терпеть не мог драматических сцен. Кажется, прошедшие годы изменили его.

– Может, ты предпочел бы сам броситься на него?

– Я не пытаюсь убить себя. – На лице Логейна было мрачное, почти уязвленное выражение. – Так будет быстрее и проще. По крайней мере, у нас останется тело для погребального костра. И мне не придется рассказывать твоему сыну, что его отец ушел в безрассудный поход и не вернулся.

– Логейн, порождения тьмы существуют на самом деле. Что, если Серые Стражи говорят нам правду?

– А что, если нет? – Логейн подошел к трону, уперся обеими руками в подлокотники и, нагнувшись, заглянул Мэрику в лицо. – Даже если ты не придаешь никакого значения тому, что они прибыли из Орлея, – убежденно продолжал он, – ты должен знать, что Серые Стражи всегда преследуют собственные цели. Они не служат никакому королю и никакой стране. Чтобы справиться с этой угрозой, они сделают все, что сочтут наилучшим, и им будет наплевать на тебя, на Ферелден и на что угодно!

Логейн был прав. Двести лет назад Серые Стражи ввязались в заговор против ферелденского короля. Мятеж провалился, и орден был изгнан из страны, однако очень немногие знали, что для достижения этой цели потребовалась почти вся ферелденская армия. Тысячи солдат против неполной сотни Серых Стражей, и все-таки они едва не победили. Они были силой, с которой нельзя не считаться – независимо от их числа.

– Дело не только в этом, – вслух пробормотал Мэрик.

– Тогда в чем? В том, что Роуэн умерла? – Логейн выпрямился и, качая головой, принялся расхаживать рядом с тронном. – Ты держишься так с тех самых пор, как я вернулся. Ты почти не видишься с сыном, ты почти не занимаешься страной, которую возродил из руин. Вначале я готов был списывать это на скорбь, но, Мэрик, прошло уже три года! Все выглядит так, точно ты хочешь исчезнуть.

Он повернулся, устремив взгляд на Мэрика, и во взгляде этом была такая тревога, что тот не выдержал и отвел глаза.

– Неужели ты и впрямь этого хочешь? Неужели тебя несколько не беспокоит безумие этого замысла?

Крепко сцепив пальцы, Мэрик задумался. Он не хотел говорить Логейну всей правды, но, похоже, другого выхода нет.

– Помнишь ведьму, с которой мы повстречались в Диких землях Коркари? – начал он. – Еще во время мятежа, когда мы удирали от орлесланцев?

Логейн, кажется, опешил, как будто не ожидал услышать хоть какое-то внятное объяснение. Впрочем, замешательство это длилось всего пару секунд.

– Помню. Чокнутая карга, которая едва не прикончила нас обоих. И что с того?

– Она кое-что мне сказала.

Логейн нетерпеливо глянул на него:

– И?... Мэрик, она много про что лопотала.

– Она сказала, что в Ферелден придет Мор.

Логейн медленно кивнул:

– Понимаю. Когда именно – она не сказала?

– Только что я до этого времени не доживу.

Логейн закатил глаза и, отступив на шаг, провел рукой по черным волосам. Мэрику хорошо был знаком этот жест, выражавший раздражение.

– Такое предсказание запросто может сделать кто угодно. Она явно хотела тебя напугать.

– Ей это удалось.

Логейн развернулся, вперил в короля гневный взгляд:

– А еще ведьма говорила, что мне нельзя доверять! Ты и этому веришь, да?

Лицо его чуть заметно напряглось, и Мэрик знал почему. Вот что было сказано про Логейна: «Оставь его при себе, и он будет тебя предавать. С каждым разом все горше». Это было единственное пророчество, которое ведьма произнесла в присутствии Логейна, и он, как видно, хорошо запомнил ее слова. Возможно, он решил, что если Мэрик поверил предсказанию насчет Мора, то поверил и этому. Между тем Логейн никогда не предавал Мэрика – по крайней мере, насколько было известно самому королю. И забывать об этом не стоило.

– Ты думаешь, это простое совпадение? – спросил Мэрик, вдруг заколебавшись.

– Я считаю, что у ведьмы были свои цели и она скормила бы нам любую ложь, если бы это было ей выгодно. Мэрик, магии нельзя доверять. – Логейн закрыл глаза и вздохнул. Затем он едва заметно покачал головой, словно собирался сказать нечто уж вовсе сумасбродное, но все же открыл глаза и с убежденностью в голосе продолжил: – Но если ты и вправду уверен, что этому пророчеству ведьмы можно доверять, согласишься хотя бы с тем, чтобы на Глубинные тропы пошел я, а не ты! Кайлану нужен отец.

– Кайлану нужна мать. – Голос Мэрика даже для него самого прозвучал безжизненно. – А еще ему нужен отец, который не... Логейн, я не принесу ему добра. Я никому не могу принести добра. Будет гораздо лучше, если я отправлюсь куда подальше ради блага страны.

– Болван!

– А вот тебе... – продолжал Мэрик, словно не расслышав, – тебе надлежит остаться. Если со мной что-то случится, ты должен будешь стать регентом при Кайлане и сохранить Ферелден.

Логейн досадливо помотал головой:

– Этого я не могу допустить. Даже если бы я верил этому загадочному пророчеству, я бы все равно не согласился, что из-за него можно отдать тебя в руки этих орлесианцев. Разве что если бы вас окружала целая армия.

Мэрик вздохнул и выпрямился, откинувшись на спинку трона. Ему был знаком этот тон. Когда Логейн уверен в своей правоте, переубедить его невозможно. Он скорее кликнет стражу и попытается посадить Мэрика в темницу, чем позволит ему исполнить этот замысел.

Логейн рассуждал так: Серые Стражи – орлесианцы, Первый Чародей – орлесианец. Стало быть, это наверняка заговор, причем не первый. За минувшие годы к Мэрику несколько раз подсылали наемных убийц, и еще чаще его пытались свергнуть недовольные банны. Хотя Логейну так и не удалось доказать, что за всеми этими случаями стоит Орлесианская империя, Мэрик не склонен был отвергать его предположения. Вполне возможно, что он даже и в этом случае прав.

А если нет? Ведьма была безумна, почти наверняка безумна, и все же Мэрик считал невозможным отмахнуться от ее слов. Она спасла их, помогла выбраться из Диких земель, без ее помощи они наверняка погибли бы. Король почти позабыл о ее предостережении насчет Мора, но вспомнил его в тот самый миг, когда Первый Чародей Ремийе сообщил, что у него просят аудиенции Серые Стражи.

Сама мысль о Море, бушующем здесь, в Ферелдене, была невыносима. Древние предания повествовали о том, как бесчисленные орды порождений тьмы вырывались из-под земли, затемняя самые небеса и оскверняя землю. Одним своим присутствием они заражали всю округу, а тех, кого не погубила зараза, убивали их армии. Каждый Мор был опасно близок к

тому, чтобы уничтожить все живое в Тедасе, и уж Серые Стражи знали об этом больше, чем кто бы то ни было.

Конечно, ради того, чтобы предотвратить подобную катастрофу, можно пожертвовать чем угодно. Что, если ведьма была права? Что, если весь смысл подобного пророчества – в том, что получаешь возможность его предотвратить?

– Ты прав, – признал король вслух, тяжело вздохнув. – Ты, конечно же, прав.

Логейн отступил на шаг и, скрестив руки на груди, смерил Мэрика недоверчивым взглядом:

– Это что-то новенькое.

Мэрик пожал плечами:

– Они в отчаянном положении и просят слишком многого. Мы можем рассказать им все, что знаем сами, можем даже набросать карту сообразно всему, что сумеем вспомнить, но чтобы возвращаться вместе с ними на Глубинные тропы... Нет, ты прав.

– Сам рассказывай им все, что знаешь, – насупился Логейн. – Я на сегодня орлесианцами сыт по горло. Особенно этим подлизой Ремийе. Надеюсь, ты понимаешь, что ему нельзя доверять?

– Ну да, он же орлесианец.

– Ладно. Шути над этим, коли охота.

Логейн повернулся и двинулся к низкой дверце позади трона.

– Я пошлю кого-нибудь сказать Серым Стражам, чтобы вернулись, но только смотри не возись с ними слишком долго. Нынче утром, Мэрик, дел и так хватает. Посланник Киркволла страстно жаждет обсудить положение с пиратством на побережье, и я полагаю, что если ты соизволил побеспокоить себя ради такого рода аудиенции, то, быть может, сумеешь совершить такой же подвиг ради настоящего дела.

– Сумею, – ответил Мэрик.

Глядя, как старый друг широким сердитым шагом покидает зал, он ощутил пустоту и, может быть, даже малую толику жалости. И тут же ему стало совестно из-за этой неуместной жалости к человеку, который столько сделал для него. Потому что, сколько бы Логейн ни твердил, что застрял в Денериме для того, чтобы помочь разобраться с делами, Мэрик хорошо знал, почему на самом деле он до сих пор не вернулся в Гварен. Там жили его молодая жена и маленькая красавица-дочь.

Все от чего-то бегут...

Серые Стражи и Первый Чародей вернулись в тронный зал, настороженно озираясь по сторонам, явно озадаченные тем, что на помосте больше не было Логейна. Мэрик ощущал себя на десять лет старше. Он сидел на троне ссутулившись, совершенно не готовый вести кого бы то ни было и куда бы то ни было.

Женевьева решительным шагом вышла вперед – воплощенная женщина-воин, зрелая и весьма уверенная в себе. Вид ее поневоле заставил Мэрика задуматься: какой стала бы Роуэн, доживи она до этих лет? Уж верно не такой целеустремленной и черствой – в этом Мэрик был убежден. Роуэн была отзывчива и сердечна. Она неизменно проявляла искреннюю заботу о своей стране и при всякой возможности баловала и нежила сына. Ей нравилось быть королевой не меньше, чем матерью, и гораздо больше, чем просто воином.

По правде говоря, Мэрику казалось, что седовласая женщина-командор куда больше смахивает на Логейна.

– Вы передумали, король Мэрик? – осведомилась Женевьева. Судя по ее тону, она считала такой поворот событий наиболее разумным.

– Нет, – ответил Мэрик с мрачной усмешкой. Лицо Женевьевы напряглось, потемнело: ответ Мэрика ее явно не порадовал. – Я пойду с вами при условии, что мы будем передви-

гаться тайно и никто больше не узнает о том, что я сопровождаю вас. Логейн останется здесь. Я отправлюсь с вами. Если, конечно, вы не передумали.

Женщина покачала головой, отменяя любые возможные колебания:

– Отнюдь. Нам нужно спешить, и я уверена: что бы я ни сказала, это не поможет вам осознать опасность нашего предприятия яснее, чем вы осознаете ее сейчас.

– Отлично. – Мэрик поднялся и по помосту подошел к Женеьеве. Он пожал ей руку, и на лице ее отразилась нескрываемая неловкость. – В таком случае давайте забудем слова «король» и «ваше величество», а также обращение на «вы». Поверьте, я устал от всего этого ничуть не меньше, чем вы.

– Как пожелаешь... Мэрик. – Женеьева склонила голову, и губы ее дрогнули в едва заметной улыбке. Может быть, она все-таки не настолько похожа на Логейна, как ему показалось вначале. – Но все-таки, с твоего позволения, я хотела бы приставить к тебе одного из своих людей. Чтобы охранять тебя и заботиться о твоих нуждах.

– Если ты считаешь это необходимым, то я, безусловно, согласен.

Женеьева поманила к себе юношу, которого недавно представляла королю, – того, кто совершил кражу на рынке. Он был заметно смуглее прочих – может, примесь ривейнской крови? Парнишка сжался, явно не желая подходить, однако грозный взгляд воительницы быстро призвал его к порядку. Остановившись рядом с командором, он тяжело вздохнул, как будто эти несколько шагов стоили ему невероятных усилий.

«Экий он прямолинейный», – подумал Мэрик. Где бы там Серые Стражи ни подобрали этого юнца, он явно не привык скрывать свои чувства. После стольких лет, проведенных при дворе, подобное общество, вполне вероятно, станет для Мэрика приятным разнообразием.

– Дункан, тебе вменяется в обязанность забота о нуждах короля, – объявила Женеьева тоном, не допускавшим никаких возражений.

– То есть готовить ему еду и выносить за ним ночной горшок?

– Если он так пожелает – да.

Парнишка насупился, и Женеьева, увидев это, усмехнулась с нескрываемым ехидством:

– Считаю это своим наказанием. Если будешь плохо выполнять свои обязанности, его величество запросто может по возвращении приказать бросить тебя в тюрьму.

Дункан беспомощно глянул на короля. На его мрачном лице явственно читалось: «Только не заставляй выносить за тобой горшок!» Мэрика так и подмывало рассмеяться, но он сдержался. Едва ли на Глубинных тропах понадобится ночной горшок. Это путешествие будет отнюдь не увеселительной прогулкой.

– А теперь, – продолжала Женеьева, – позволь представить тебе остальных. Это – Келль, мой лейтенант. Он чует издалека скверну порождений тьмы и на Глубинных тропах будет нашим следопытом.

У человека в капюшоне, который при этих словах сделал шаг вперед, были очень светлые, почти бесцветные глаза – Мэрику никогда прежде не доводилось видеть таких. Лицо у него было угрюмое, и двигался он с обдуманной осторожностью, говорившей о том, что этот человек поглощен собственными мыслями. За плечом у него висели длинный лук и колчан с оперенными стрелами, и в другое время Мэрик счел бы его самым обыкновенным охотником. Келль учтиво склонил голову, но не сказал ни слова.

– А это – Ута, призванная в орден из рядов Молчаливых Сестер. Разговаривать с тобой она не сможет, но большинство из нас привыкло понимать ее знаки.

Гномка, выступившая вперед, была в тунике Серого Стража, надетой поверх коричневого, простого покроя платья. Ее медно-рыжие волосы были заплетены в роскошную длинную косу, которая доходила почти до пояса, и, насколько мог разглядеть Мэрик, при гномке не было никакого оружия. Ему припомнилось, что Молчаливые Сестры якобы дерутся голыми

руками – неужели это правда? Несмотря на небольшой рост, гномка была плотно сложена и достаточно мускулиста.

– А эти господа – Жюльен и Николас. Они в ордене почти так же давно, как я сама.

Вперед выступили двое рослых мужчин в таких же массивных пластинчатых доспехах, как у Женеьевы. Оба носили густые, ухоженные на орлесианский манер усы, но на этом сходство между ними заканчивалось. У Жюльена были темные, очень коротко остриженные волосы и небольшая аккуратная бородка. У Николаса – длинные, почти до плеч, белокурые волосы. Он схватил руку Мэри-ка и потряс ее, бодро улыбаясь.

Жюльен носил на спине в ременных ножнах громадный двуручный меч. К поясу Николаса была привешена шипастая булава, а за спиной красовался огромный щит, украшенный изображением грифона. Оба держались с молчаливой уверенностью воинов, привыкших пускать это оружие в ход.

– А это – Фиона, призванная чуть больше года назад из Круга магов в Монсиммаре.

Эльфийка, сделавшая шаг вперед, сжимала в руке белый посох. Если бы не это, Мэрик ничем не признал бы в ней мага, и дело было отнюдь не в ее эльфийском происхождении. Почти все маги, с которыми он когда-либо сталкивался, больше походили на Первого Чародея Ремийе – мужчины, привыкшие добиваться своего, не останавливаясь ни перед чем. Эта девушка была к тому же хороша собой, хотя и смотрела с неприязнью, а кивок ее, едва заметный, никак нельзя было считать приветственным.

К ним подошел Первый Чародей Ремийе, явно пребывавший не в своей тарелке. Нервно комкая складки желтой мантии, он несколько раз поклонился.

– Прошу прощения, ваше величество, но время не ждет. Мы должны как можно скорее двинуться в Твердыню Кинлоха.

Женеьева кивнула:

– Круг обещал предоставить нам перед выходом на Глубинные тропы кое-какую магическую помощь. Времени у нас в обрез, однако я не сомневаюсь, что эта помощь нам пригодится.

– Почему у нас так мало времени? – спросил Мэрик.

– Мы никогда не слыхали о том, чтобы порождения тьмы, едва завидев Серого Стража, не попытались с ним расправиться. – Женеьева смолкла, и взгляд ее на миг стал отсутствующим. Затем она резко повернулась и зашагала к огромным дверям. Мэрик двинулся за ней, все остальные цепочкой потянулись следом. – То, что наш собрат до сих пор жив, – само по себе удивительно и говорит о чем-то необычном. Мы должны добраться до него прежде, чем порождения тьмы уволочут его еще глубже под землю, и прежде, чем сведения, которые из него могут вытащить, разойдутся среди них.

– А если разойдутся? – спросил Мэрик. – Что тогда?

– Тогда мы перебьем всех порождений тьмы, которые их получают, – сурово отозвалась она.

Мэрик верил, что женщина-воин ничуть не преувеличивает. Сама мысль о том, что этот небольшой отряд может представлять смертельную угрозу для порождений тьмы, казалась ему удивительной, но, вполне вероятно, он удивлялся зря. Молва гласила, что в Серые Стражи всегда набирают только лучших воинов. Хотя со времен последнего Мора прошло несколько столетий, легендарная слава Серых Стражей не померкла. Люди относились к ним с чрезвычайным уважением, и их представительства существовали во всех странах за пределами Ферелдена.

Однако же в некоторых кругах к этому уважению примешивалась изрядная доля настороженности. В иных краях орден Серых Стражей зачастую считали пережитком прошлого, утратившим свою необходимость, и традиционную десятину платили крайне неохотно. Тем не менее никто не решался выказать пренебрежение открыто. Сколь мало ни осталось бы в нынешние времена Серых Стражей, сомневаться в их силе охотников не было.

– С вашего позволения, – сказал Мэрик вслух, – я хотел бы задать вам еще один вопрос.

– Да. Конечно.

– Кого мы, собственно говоря, ищем?

Женевьева, уже направлявшаяся к дверям, остановилась и повернулась к королю. Он ясно видел, что ее снова мучат сомнения. Однако же, если Мэрику предстоит отправиться с этими людьми в самую опасную часть Тедаса, можно надеяться, что Серые Стражи все-таки поделятся с ним своими знаниями. Логейн наверняка был прав по крайней мере в одном: Стражи всегда и во всем преследуют собственные цели.

– Его зовут Бреган, – наконец ответила Женевьева. – Он мой брат.

Глава 2

*И се – чернеет Город Золотой
При каждом вашем нечестивом шаге
По Моему Чертогу. О, дивитесь,
Дивитесь совершенству, ибо гаснет
Оно. Вы Грех внесли на Небеса
И кару в мир.*

Погребальные Песни, 8:13

Нестерпимая вонь, которой был пропитан воздух, напомнила Брегану гнилостный дух протухшего мяса. Издалека доносился странный, едва различимый гул. Мужчина осторожно шевельнул рукой и понял, что лежит на камне. На ощупь казалось, что камень покрыт слоем то ли сажи, то ли грязи.

Он по-прежнему на Глубинных тропах. Ощущение нависших над ним тонн земли и камня настолько сильно, явственно, что кажется, будто на тело давит невидимая тяжесть. Бреган сделал глубокий, судорожный вдох и тут же закашлялся, давясь густой вонью. Он перекатился на живот, содрогаясь от неудержимых позывов рвоты, в пустом желудке забурлило, и искаженный рот изрыгнул лишь отвратительные хрипы. Острая боль пронзила Брегана, напомнив о полученных ранах.

Дрожа и обливаясь потом, он справился с судорогами и ощупал свое тело. Доспехи его, а также меч со щитом сгнули бесследно, но куртка и рубаха остались – заскорузлые от крови и грязи. Раны тем не менее кто-то перевязал. В крошечной темноте Брегану трудно было определить, как именно их обработали. По всей вероятности, наложили какие-то снадобья, а сверху перетянули грубой тканью, сильно смахивавшей на холстину.

Но кто же принес его сюда? Кто обработал его раны? Бреган помнил, как добрался до заброшенного тейга. Помнил, как на Глубинных тропах хлынули на него орды порождений тьмы, окружили со всех сторон, а потом... что было потом? Ничего. Бреган припоминал, как черные клинки порождений вспарывали плоть, как кривые когти тварей насквозь протыкали доспехи, глубоко вонзаясь в плечи и в ноги. По всему выходило, что он должен был умереть. Порождения тьмы не были склонны к милосердию и никогда не брали пленных.

Бреган прикрыл глаза и осторожными прикосновениями разума прощупал окружающую темноту. Повсюду вокруг него были порождения тьмы. Может, и не в том же помещении, но рядом. Бреган чуял их близость краем сознания, и, как всегда, этому ощущению сопутствовало мерзостное чувство – как если бы под кожу медленно вливали яд.

Он сильнее зажмурился и постарался отгородиться от этого чувства. Как же он всегда ненавидел свою способность издалека чують порождений тьмы! Это свойство было присуще всем Серым Стражам, и большинство полагало его ценным даром. Бреган же всегда считал, что это – проклятие.

Гул все не затихал, – впрочем, Бреган различал и кое-что еще. Шорох, шуршание по камню незримых чешуйчатых тел. Плеск воды. Все эти звуки были слабыми, едва различимыми, но тем не менее они присутствовали. Время от времени изменяла свои свойства и вездесущая тошнотворная вонь – в ней появлялся отчетливый оттенок гари. То и дело Бреган чувствовал, как нечто давит извне на его сознание, как будто пытаешься прорваться в разум. А потом это ощущение проходило.

Мрачные предчувствия терзали его все сильнее, и сердце забилося чаще. Неуклюже двигаясь, он встал на четвереньки и вслепую пошарил рукой вокруг себя. Пальцы его наткнулись

на мягкую шкуру, наверняка грязную, но хорошо было и то, что его не бросили валяться на голом каменном полу. Потом Бреган ощупал гладкие стены – да, место это явно не было природной пещерой, над ним потрудились неведомые мастера.

Пальцы наткнулись на нечто мягкое и липкое, похожее на гнилостную плесень, которая расплзалась по камню.

Скверна порождений тьмы. Бреган подавил омерзение. Лучше об этом не задумываться.

И тогда послышался новый звук. Шаги, мерный стук обутых ног по камню – и совсем неподалеку. Бреган повернул лицо к источнику звука и почувствовал приближение порождений тьмы. Он отполз немного, и тревога, владевшая им, уступила место ужасу. В той стороне дверь? Увидит ли он то, что так неумолимо приближается? Глаза Брегана никак не могли привыкнуть к непроглядной тьме, и это сводило с ума.

Шаги становились все громче, отдаваясь эхом. Затем послышался скрежет отворяемой металлической двери, и вдруг в лицо ударил свет, такой нестерпимо яркий, что обжег глаза. Бреган вскрикнул от боли и шарахнулся прочь, прикрывая лицо.

– Прошу прощения, – прозвучал мужской голос. Негромкий и с каким-то неестественным тембром, но не сказать что неприятный. Слова звучали отрывисто, как если бы говоривший не вполне привык их произносить.

Бреган сел, отчаянно моргая и прикрывая ладонью глаза. Разглядеть что-то перед собой было почти невозможно, глаза слезились от мучительного напряжения. Он сумел различить только смутную тень, державшую в руке что-то вроде ослепительно сияющего камня. Тень эта вошла в комнату, но остановилась на почтительном расстоянии от Брегана.

– Свет необходим, – продолжал странный звучный голос. – Я подозреваю, что мое появление в темноте было бы для тебя неприятно. Я ведь верно понимаю, что ты не способен видеть в темноте?

Это порождение тьмы? Гарлоки-эmissары обладали даром речи, но Бреган не мог припомнить сведений о том, чтобы кто-то из Серых Стражей разговаривал с ними. Эmissары были у порождений тьмы заклинателями, магами, и Брегану доводилось слышать, как эmissар осыпал оскорблениями передние ряды Серых Стражей либо вопил от ярости, когда Стражи усиливали натиск на врага. Он даже слышал, как эmissары, стоя на своем краю поля битвы, выкрикивали ультиматум, но подобных речей никогда не слышал. Он мысленно коснулся прищельца – да, это и впрямь гарлок, порождение тьмы. То же самое мерзостное ощущение отозвалось в сознании Брегана.

– Я подожду, – сказал голос. – Зрение со временем вернется к тебе.

Бреган еще пару минут старательно протирал глаза, и наконец временная слепота начала отступать. То, что он увидел в свете сияющего камня, несколько не прибавило спокойствия. Перед ним и в самом деле стоял гарлок-эmissар, порождение тьмы, которое запросто можно было бы принять за человека, если бы не изуродованная скверной кожей да выпуклые рыбы глаза. Гарлок был совершенно безволосым, и губы его, оттянутые острыми клыками, застыли в жуткой ухмылке. Однако же вместо разномастных доспехов и одежек из полусгнившей кожи, которые обычно носили порождения тьмы, он был облачен в мантию простого покроя – коричневую, кое-где покрытую пятнами сажи. В одной руке у него был изогнутый черный посох, в другой – сияющий камень.

И к тому же он не проявлял никаких признаков волнения, невозмутимо разглядывая Брегана своими выпуклыми нечеловеческими глазами. Мужчина поежился, не зная, как следует поступить. Первым его порывом было броситься на гарлока, свернуть ему шею и бежать. Гарлоки-эmissары владеют магией, однако, точно так же как и магам, им нужно время, чтобы пробудить свою мощь. Если Бреган будет действовать быстро, эту тварь даже посох не спасет.

– Твои раны исцелились? – внезапно спросил гарлок. – Мне известно, что люди обладают способностью магического исцеления, но такое, увы, мне не под силу. Даже наши познания в области ваших лекарственных средств ограничены.

– Н-не понимаю, – запинаясь, пробормотал Бреган.

Гарлок-эmissар кивнул, явно сочувствуя трудностям собеседника. Брегану нелегко было принять тот факт, что это цивилизованное поведение исходит от подобной чудовищной твари. Весь опыт, накопленный Серыми Стражами, все познания, веками кропотливо и мучительно обретаемые в огне Моров, – во всем этом не было даже и намека на то, что порождение тьмы способно вести себя иначе, кроме как бездумно набрасываться на все живое, что подвернется на пути, и распространять заразу скверны.

– Чего же именно ты не понимаешь? – терпеливо осведомился гарлок.

– Ты ведь... порождение тьмы?

Собеседник, похоже, ничуть не удивился такому вопросу.

– А ты – человек?

В его устах это слово, произнесенное со странным рокочущим тембром, прозвучало так, словно происходило из чужого языка. Брегану мельком подумалось, что для порождения тьмы так оно и есть.

– Нет, – продолжал гарлок, – я так не думаю. Ты – Серый Страж.

– Я... я и то и другое.

Выпуклые глаза порождения тьмы моргнули, но Бреган так и не смог понять, что это означало – удивление, сомнение или иные чувства. Да и способны ли порождения тьмы испытывать чувства? Да, они умеют действовать сообща. Известно, что они чинят снаряжение и даже изготавливают примитивное оружие, возводят какие-то постройки, пользуясь еще гномьими припасами, которые добыли на Глубинных тропах. Однако до сих пор никто не сумел обнаружить в том, что они делают, иного побуждения, кроме темной силы, которая толкает их к началу очередного Мора. Может, Серые Стражи заблуждаются? Или все давно известно ордену и это просто очередной секрет, который ревностно охраняется от всех непосвященных, даже Стражей настолько высокого ранга, как Бреган?

«Не в первый и не в последний раз», – с горечью подумал Бреган. Он медленно сел, не сводя настороженного взгляда с гарлока-эmissара – если это, конечно, и вправду был эmissар. Задумай тварь его прикончить, она бы это давно уже сделала. И этот факт Брегана пугал еще больше.

Гарлок переступил, колыхнув складками грязной мантии, оперся на посох – Брегану это движение показалось пугающе человеческим.

– Наше племя чувствует присутствие Серых Стражей, точно так же как Серые Стражи чувствуют наше присутствие. И ты знаешь, почему это так.

С этими словами гарлок выразительно глянул на Брегана, однако тот промолчал.

– В порождениях тьмы есть скверна, – продолжал гарлок, вместо него отвечая на собственный вопрос. – Тьма, которая владеет нами, ведет и гонит нас, понуждая сражаться со светом. Она живет в нашей крови, она заражает и растлевает все, что окружает нас. – Гарлок высохшей когтистой рукой указал на Брегана. – В вашей крови тоже есть скверна. Вот что делает вас такими, какие вы есть, вот что вы чувствуете в нас, а мы – в вас.

Брегану стало страшно. И снова он промолчал, избегая встречаться взглядом с нечеловеческими глазами собеседника.

– Вы принимаете эту тьму в себя, – продолжал тот. – Вы используете ее, чтобы сражаться с нами. Однако ваша устойчивость к ее воздействию не абсолютна. Когда осквернение неизбежно берет свое, Страж уходит на Глубинные тропы. В одиночку. Чтобы сразиться с нами в последний раз. Ты ведь именно затем сюда и явился, не так ли?

Вопрос остался без ответа. Бреган по-прежнему не смотрел на собеседника, и недоброе предчувствие охватывало его все сильнее. То, что порождение тьмы способно общаться на равных с Серым Стражем, – это одно, а то, что оно может быть настолько осведомлено, – другое, совсем другое.

Бреган ждал, размышляя, не стоит ли все же сделать попытку бежать, пока он еще на это способен. Убьют его при этом или нет – какая разница? В конце концов, он пришел на Глубинные тропы именно для того, чтобы умереть. Что еще могут сделать с ним, кроме как снова оглушить и притащить в эту келью?

Мысль об этом тяготила Брегана, и он все ниже опускал голову. Странный гул доносился теперь, казалось, отовсюду. Бреган ощущал в себе липкое нечистое прикосновение скверны – она пропитала все тело, заполнила собой все отверстия и поры. Ему страстно хотелось ногтями содрать с себя лицо, сорвать плоть с костей...

– Да, – неохотно признал он вслух. – Это называется – Призыв. Так мы говорим, когда приходит время покончить со всем этим.

– Призыв, – повторил гарлок, кивая, как будто одобряя этот термин. – Вы предпочитаете доблестно погибнуть, нежели поддаться скверне? Дело именно в этом?

– Не знаю! – рявкнул Бреган.

Он наконец поднял взгляд на собеседника и опешил, обнаружив, что гарлок разглядывает его со странным, лишенным всяких эмоций любопытством.

– Не знаешь? Разве ничего подобного раньше не случилось?

Бреган рывком вскочил. Тотчас отозвались тупой болью раны, в желудке всколыхнулась волна тошноты – но на все это он не обратил внимания. Странный гул усилился, и Бреган пошатнулся, борясь с головокружением.

– Кто ты? – выкрикнул он, шагнув вплотную к гарлоку – так близко, что в ноздри ударила гнилостная вонь его плоти. Бреган впился взглядом в блеклые нечеловеческие глаза, следившие за каждым его движением. Гарлок не дрогнул, не попятился. – Зачем меня приволокли сюда? Дыхание Создателя! Я должен был умереть!

– Ты за этим сюда и пришел? Умереть?

– Да! – пронзительно выкрикнул Бреган, сгреб гарлока за ворот мантии и, рванув его к себе, занес для удара кулак.

Гарлок не сопротивлялся. Кулак Брегана затрясся, и он, стиснув зубы, впился взглядом в лицо гарлока. Надо его ударить. Надо его убить. Нет ни малейшей причины оставлять эту тварь в живых. Что же он медлит?

– Думаю, – прошептал гарлок, – ты пришел сюда, потому что чувствовал, что у тебя нет иного выхода.

Бреган разжал руки, оттолкнул тварь. Гарлок пошатнулся, едва не упал, но устоял, опершись на посох. Вспышка Брегана, похоже, ничуть его не напугала. Трясаясь от злости, Страж отвернулся от своего омерзительного собеседника.

– Чего бы ты от меня ни хотел, ты этого не получишь! – прорычал он. – Так что можешь прикончить меня и не терять времени попусту!

Долгое время он слышал за спиной только шорох ткани – это гарлок приводил себя в порядок, расправляя измятую мантию. Назойливый гул все так же перекачивался вдалеке, и за его пределами Бреган чуял других порождений тьмы. Он смутно различал звуки, которые они производили: нечеловеческий рокот и сухое шипение, что неумолимо вторгались в его сны с самого Посвящения, с той минуты, когда он принял в себя их черную суть. Бреган чувствовал, как эти звуки волной накатываются на стену его сознания. Безостановочно, безжалостно. Обливаясь потом, он отгородился от этой волны и постарался сосредоточиться только на безудержном стуке собственного, лихорадочно бьющегося сердца.

После того как ритуал Призыва был завершен и все гномы мрачно и почтительно простились с ним, они распахнули огромную запечатанную дверь на окраине Орзаммара. Глядя в даль Глубинных троп, Бреган знал, что ему, вполне вероятно, будет не так-то легко исполнить свое намерение. Уж лучше упасть на острие собственного меча, легко и быстро покончить со всем этим, и не важно, как отнесется к его поступку Создатель. Лучше так, чем медленным шагом выйти в море тьмы и погрузиться в него с головой.

И все же он вышел на Глубинные тропы, а чего ему хотелось на самом деле, не имело никакого значения. Так было всю его жизнь, и с какой стати сейчас должно быть иначе?

– На твой первый вопрос, – нараспев проговорил эмиссар, – ответ таков: я – Архитектор.

– Это твое имя?

– У нас нет имен. Архитектор – это то, чем я являюсь, только и всего. У прочих моих сородичей и этого нет. Они просто порождения тьмы.

Бреган, заинтригованный, медленно повернулся к нему:

– А ты, значит, не просто порождение тьмы? Ты – нечто большее?

Гарлок поднял палец:

– Что, если бы я сказал тебе, что между нашим племенем и вашим может быть заключен мир? Что такое вообще возможно?

Бреган не знал, как ему отнестись к этом вопросу.

– А нам это нужно? Я имею в виду мир с порождениями тьмы? Такое трудно представить.

– Серым Стражам так и не удалось уничтожить наш род. Вот уже четырежды мы находили одного из древних драконов, что спят в подземных своих темницах, – одного из тех, кого вы зовете Древними Богами. – Взгляд Архитектора стал отрешенным, и в голосе его зазвучала неподдельная печаль. – Они зовут нас, манят нас песней, которой мы не в силах сопротивляться. Мы ищем их и находим, и, когда они поднимаются из-под земли, мы следуем за ними. Мы не можем устоять. А когда ваше племя загоняет нас назад под землю, все начинается заново.

Бреган нахмурился:

– Тогда мир между нами может быть достигнут только одним способом – если все порождения тьмы будут уничтожены.

Архитектор в упор поглядел на него, и в его блеклых глазах появилось вдруг напряженное выражение.

– Есть и другой способ, – проговорил он, и от звука этого нечеловеческого голоса Брегана пробрала дрожь.

А потом он вдруг осознал, что нужно от него этому порождению тьмы.

Молнией метнулся он вперед и, выхватив из руки Архитектора сияющий камень, с силой отшвырнул опешившего гарлока в сторону. Тот, потеряв равновесие, налетел на стену кельи, и посох его со стуком ударился о пол. Не дожидаясь, пока гарлок начнет творить заклинание, Бреган одним прыжком выскочил в коридор и с оглушительным лязгом захлопнул за собой металлическую дверь.

Снаружи было еще омерзительнее, чем в келье. Стены коридора густо поросли плетями неведомой растительности и мешками черной слизи. Здесь были и другие двери – иные так и проржавели, оставаясь закрытыми. Бреган не стал отвлекаться на них и, держа перед собой сияющий камень, бросился бежать.

Со всех сторон доносилось яростное шипение и топот бегущих ног.

Бреган был полностью поглощен тем, что прощупывал мыслями темноту, пытаясь определить, в каком направлении движутся порождения тьмы. Это было нелегко. Скверна окружала его со всех сторон, и всякий раз, когда он раскрывал сознание, рокошующий адский гул становился еще сильнее. Пытаться отыскать в этом море скверны отдельный источник было все равно что глоток за глотком принимать ее в себя.

Свернув за угол, Бреган едва не врезался в небольшую группу порождений тьмы. То были настоящие бойцы – рослые, в тяжелых разномастных доспехах, вооруженные кривыми тесаками. При виде Стража они оскалились и, зашипев, попятились.

Бреган не дал им шанса напасть первыми. Бросившись на ближайшего, он схватился за кривой клинок и с размаху ударил тварь в грудь. Застигнутый врасплох, гарлок выпустил оружие, и из горла его вырвался испуганный вопль. Бреган стремительно развернулся и рубанул по шее второго. Тот рухнул, пытаясь зажать рану.

Третий гарлок испустил улюлюкающий вопль и взмахнул тесаком. Страж в последнее мгновение увернулся и, когда противник потерял равновесие, ударил его по голове рукоятью кривого клинка. Нападавший лишь захрипел.

Гарлок, которого Бреган ударил в грудь, уже пришел в себя. С ревом бросившись на Стража, он впился в его руку. Клыки глубоко вонзились в плоть, и Бреган ощутил, как просачивается в кровь чернота скверны. Не будь он Серым Стражем, для него уже все было бы кончено. Он пал бы жертвой изнурительной болезни, несущей горячку и безумие, и в итоге умер бы мучительной смертью.

Однако Серые Стражи платили высокую цену за то, чтобы стать такими, каковы они есть. И не напрасно.

Стиснув зубы, Бреган ожесточенно отбивался от гарлока. Он чуял зловонное дыхание противника, видел, как меж клыков ворочается черный лоснящийся язык. Все слышнее становились вопли других порождений тьмы. Они боролись на каменном полу, а потом Бреган сумел высвободить руку и уперся в подбородок твари, силясь оторвать ее от себя. Гарлок завизжал от ярости и выгнулся дугой, изо всех сил стараясь сохранить равновесие.

Наконец он выпустил Брегана, и тогда Страж с силой оттолкнул его от себя. Гарлок ударился головой о стену коридора – ударился с такой силой, что раздался хруст. Все было кончено.

Бреган остановился и, тяжело дыша, привалился к стене. Волна слабости вдруг накатила на него. Едкий запах хлещущей черной крови заглушал даже вездесущую вонь. Рокочущий гул становился все сильнее, навязчивее. Казалось, он вот-вот поглотит все прочие звуки. На миг, всего на миг Бреган прижался лбом к холодной каменной стене и закрыл глаза.

Протяжное шипение совсем рядом вернуло его к реальности. Гарлок с копьем наперевес стремительно приближался. Чудом собрав все силы, Бреган схватился за древко и рванул на себя. И уже через мгновение тварь была повержена собственным оружием.

Надо выбираться отсюда, и поскорее. Подхватив валявшийся на полу меч, Бреган вбежал в открытый просторный зал. Здесь было множество колонн: одни наполовину обрушились, другие до сих пор тянулись к высокому своду. Все они были покрыты порослью черных грибов и скверной. От сияющего камня повсюду плясали и кривлялись тени.

Рысью пробежав через зал, Бреган увидел впереди порождений тьмы. Среди них были генлоки – низкорослые, с заостренными ушами и беззубыми клыкастыми ухмылками. Заметив человека, они вскинули луки. Две стрелы просвистели совсем близко, одна вонзилась в плечо, но Бреган, не обратив на нее внимания, все так же грозно мчался на генлоков. С оглушительным криком он прорубал себе путь в рядах порождений тьмы. Черная кровь заливала лицо, и казалось, что тошнота вот-вот одолеет его, но Бреган продолжал бой.

Генлоки ничего не могли сделать, несмотря на численное преимущество. Они отступили, пытаясь перестроиться, но Бреган уже проскочил мимо.

Здесь должен быть выход. Должен! Это явно какая-то крепость, покинутая гномами. Если бы только удалось выбраться отсюда, оказаться вновь на Глубинных тропах...

Бреган замер на середине полуобрушенного лестничного пролета. Позади – совсем близко – слышны были крики и топот порождений тьмы. Будто разворошили гигантский мура-

вейник. Плечи Брегана обмякли, и он, тяжело дыша, низко опустил голову. Он старался не обращать внимания на пот, заливавший глаза.

Даже если он выберется отсюда – куда ему податься? Все считают, что он уже давным-давно мертв. И то верно: он должен был дать порождениям тьмы убить себя, если бы они вообще захотели это сделать.

Бреган уставился на меч, который держал в руках. Лезвие, покрытое пятнами сажи, было неправильной формы, с изогнутым острием, чем-то похожее на обычную саблю. Примитивная рукоять обмотана полосками кожи – Брегану не хотелось даже задумываться, чьей именно. Жалкое оружие, конечно, но вполне пригодное. Это острие без малейшего труда разорвет ему горло – надо лишь приставить к шее и сделать одно быстрое движение...

Порождения тьмы ни за что не должны узнать, где находятся Древние Боги. Он не станет причиной нового Мора, нового нашествия этих тварей на Тедас. Можно надеяться, что порождения тьмы не способны читать мысли, но кто знает, на что способен Архитектор? Лучше пусть это знание умрет вместе со Стражем.

Стиснув зубы, Бреган поднял меч. Изгиб острия почти идеально обхватил горло. Не он сам придумал, что надо отправиться на Глубинные тропы, чтобы умереть в бою. Поступить так его вынуждала многовековая традиция Серых Стражей. Так было лучше.

Клинок задрожал. Страж затрясся, бессильно уронил вдоль тела руку с мечом, закрыл глаза и зарыдал.

С обоих концов коридора хлынули к нему порождения тьмы, но человек словно не видел их. Просто стоял посреди лестницы и ждал, чувствуя, как сознание наполняет чернота. Страшный гул достиг предела.

Порождения тьмы разом кинулись на Брегана и повалили его на пол. Чьи-то зубы вонзались в плоть, что-то острое протыкало кожу и мышцы тут и там. Бреган не кричал, не сопротивлялся. Сияющий камень у него отняли, и, когда темнота стала всепоглощающей, что-то тяжелое обрушилось на затылок.

И так было даже лучше.

Глава 3

*И те, кто был низвергнут,
Те демоны, не ставшие богами,
Шептали из гробниц своих подземных,
Искусом наполняя слух людской.
И внял Тевинтер им, и алтари
Воздвигли ложным божествам в угоду,
А шепот их взамен раскрыл им тайны
Чернейших чар.*

Погребальные Песни, 5:11

Дункан сидел в уютной лодчонке, глубоко несчастный и твердо уверенный, что жалкое суденышко вот-вот опрокинется и утопит всех своих пассажиров в озере Каленхад. Путешествие из Денерима на запад заняло у них несколько дней, и Дункан даже не мог сказать наверняка, с какой стати это все понадобилось. Если Первый Чародей Ремийе хотел что-то им вручить, почему он не прихватил это с собой в столицу? Какой был смысл тащить Серых Стражей к озеру Каленхад, пусть даже вход на Глубинные тропы якобы находится недалеко от этих мест? Если у них и впрямь так мало времени, как утверждает Женестьева, казалось, было бы куда разумнее немедленно отправиться на поиски ее брата.

Но нет, куда там! Вместо этого Дункану пришлось втискиваться в лодчонку, где едва хватало места для короля и дюжего парня с веслом, и мерзнуть, пока лодка прокладывала себе путь по водам озера. Над ними яростно завывал ветер, и с каждым порывом Дункан дрожал от холода. Нет, правда, он никак не мог унять дрожь, хотя и кутался в меховой плащ. Неужели в этой стране повсюду царят такие холода?

Плавающие глыбы льда пугающе часто бились о борта лодки. Лодочник обливался потом, прилагая все силы, чтобы избежать столкновений. Иногда он вдруг принимался ожесточенно молотить веслом по воде – лишь затем, чтобы через несколько секунд сменить курс. Что происходит, когда озеро совсем замерзает? Гости ходят в башню пешком по льду?

Кажется, только одного короля совершенно не трогало все происходящее. С тех пор как они покинули город, он был молчалив и почти не беспокоил просьбами Дункана, что, впрочем, юношу искренне радовало. Раза два король задавал вопросы о Серых Стражах, – вопросы, на которые Дункан отвечал крайне настороженно. Женестьева еще раньше предупредила, что Мэрик, по всей вероятности, станет его расспрашивать, и тогда же прибавила, что Дункан должен постараться рассказывать как можно меньше. Король, выслушав ответ, только пожал плечами. Он явно ничего другого и не ожидал.

Покинув Денерим, отряд со всей возможной быстротой двинулся по Северному тракту вдоль побережья. По словам Женестьева, в это время года здесь было почти безлюдно, – значит, тем меньше шансов, что их выследят или узнают. С первыми снегопадами грузы в основном перевозились на прочных судах, бороздивших Недремлющее море. Другие путники встречались крайне редко – либо торговцы с тележками, замотанные в теплые плащи, либо паломники, затянувшие с путешествием до начала зимы. Серых Стражей эти прохожие едва достаивали взглядом.

Из гномов наездники так себе, однако Ута старалась переносить свой позор стоически. По правде говоря, Дункан в глубине души считал, что она держится в седле куда изящнее, чем все гномы, которых он знал до сих пор, – правда, их было совсем немного. Обычно сородичи Уты предпочитали ездить в повозках либо фургонах, а не на верховых животных, хотя Дункан

слышал, будто в Орзаммаре гномы иногда ездят на быках. Он как-то спросил Уту, правда ли это, и, судя по ее ухмылке, вопрос Дункана немало позабавил гномку.

Едва они покинули дворец, Келль тотчас вернул себе неизменного спутника – боевого волкодава по кличке Кромсай. Это был настоящий великан – зубастый, мускулистый, с косматой серой шкурой. Дункан знал, что, защищая хозяина, Кромсай кому угодно порвет глотку. Юноше уже доводилось это наблюдать. Сейчас пес трусил рядом с конем хозяина, вывалив из приоткрытой пасти длинный язык.

Жюльен и Николас ехали по большей части вдвоем – как, впрочем, бывало почти всегда. Дункан подозревал, что эти двое так долго сражались бок о бок, что попросту привыкли к обществу друг друга. Время от времени к ним присоединялась Женевьева, но обычно она ехала впереди, вместе с Келлем. Напряженный взгляд ее неизменно был устремлен вперед, на линию горизонта, – как будто командор надеялась притянуть ее поближе одной только силой воли.

В другое время Дункан ехал бы рядом с Фионой и они всю дорогу дружески болтали бы о разных пустяках под сердитыми взглядами других, более молчаливых Серых Стражей. За те несколько месяцев, которые Дункан провел в ордене, он изрядно сблизился с эльфийкой-магом. Сейчас, однако, она держалась в стороне. В те два-три раза, когда Дункану подвернулся случай заговорить с Фионой, она была отчего-то взвинчена, а стоило королю подъехать ближе, как девушка становилась чернее тучи. Мэрику она до сих пор не соизволила сказать ни единого слова, а все его попытки завязать разговор демонстративно пропускала мимо ушей.

Король после этого озадаченно смотрел на Дункана, но тот в ответ только пожимал плечами. Кто знает, почему эльфы делают то или другое?

Первая ночь, которую отряд провел в деревне, выдалась, мягко говоря, неудобной. Женевьева была не в восторге оттого, что они мозолят глаза местным сплетникам, однако они слишком спешно покинули столицу, чтобы как следует подготовиться к дальнему пути. Ночевали они в трактире, нервы у всех были на пределе, а король, прячась от посторонних взглядов, все время прикрывал лицо капюшоном. Дункан спал на дощатом полу рядом с койкой Мэрика и дрожал, проклиная на все лады ферелденский промозглый холод.

После этого они обошли стороной большинство селений, рассыпанных вдоль тракта, и, огибая по краю Баннорн, продолжали двигаться на запад. Один только раз король настоял, чтобы они остановились у некоего хутора, расположенного на отшибе. С точки зрения Дункана, хуторок был ничем не примечателен – жилой дом, сложенный из старого, изрядно растрескавшегося гранулита, да огороженные пастбища с козами и овцами.

Кто жил на этом хуторе, так и осталось загадкой для Серых Стражей, король общался с хозяевами один. Фиона из-за этой краткой задержки негодовала даже больше, чем Женевьева.

После этого командор подгоняла их вдвое усерднее, объявляя привал, лишь когда уже стемнеет настолько, что невозможно ехать верхом, и безжалостно поднимая всех, едва краешек солнца покажется над горизонтом. Дункан (по большей части только он) не отказывал себе в удовольствии вдоволь понюхать и посетовать на такую жестокость; правда, его никто не слушал. В отряде царили усталость и нервное напряжение. С каждым минувшим днем Женевьева становилась все более взвинченной. Когда впереди наконец показался берег озера Каленхад, все вздохнули с облегчением.

И вот теперь Мэрик сидел в уютной лодчонке рядом с Дунканом, глядя вдаль из-под полуопущенных век, а промозглый ветер так и хлестал в лицо, ероша и раздувая светлые волосы. Королю, похоже, это нравится, и даже после того, как он отдал меховой плащ молодому Стражу, холод его ничуть не беспокоит.

Король явно заметил, что за ним наблюдают, и в свою очередь смерил Дункана пристальным взглядом. Юноше, наверно, следовало смутиться, но он и не подумал. Все-таки этот парень очень странный для короля. Разве слышал кто-нибудь, чтобы правитель покинул дворец, ринулся очертя голову навстречу вполне вероятной опасности, даже не потрудившись

оставить прощальной записки? Они выскользнули из Денерима тайно, крадучись, точно воры, и даже тейрн Логейн не явился, чтобы напоследок посверлить их как следует мрачным взглядом. Вполне вероятно, что об отъезде короля никто и не знал. И как же после этого на него не смотреть?

– Тебя что-то интересует? – слегка озадаченно спросил Мэрик. Вместе со словами из его рта вырвалось облачко невесомого пара.

– Это сильверит? – спросил Дункан, тыча пальцем в короля.

Такой великолепной брони ему видеть еще не доводилось. Доспех, судя по виду, был и легкий, и удобный, и скудный солнечный свет, отражаясь в нем, сверкал так ослепительно, что не заметить это было невозможно. У Дункана голова шла кругом при мысли о том, сколько такая вещь может стоить на черном рынке.

– Да. Правда, я не надевал этот доспех с самого окончания войны. Даже удивительно, что он до сих пор мне впору. Тебе раньше доводилось видеть сильверит?

Дункан вытащил один из своих кинжалов и показал его королю. Брови короля изумленно взлетели вверх. Кинжал был сделан из того же материала.

– У меня их два, – уточнил Дункан.

– Да ты просто полон сюрпризов. Стоит ли мне спрашивать, откуда у тебя взялись эти кинжалы?

– Спрашивайте, коли охота, да только я не отвечу.

Король усмехнулся:

– Разве ты не обязан исполнять все мои желания? Помнится, командор говорила об этом.

– Ладно. Я купил их на кучу денег, которую оставили мне в наследство папочка и мамочка. Они были принц и принцесса, правили когда-то в Антиве, а потом их несправедливо свергли. Когда-нибудь я вернусь туда и объявлю о своих правах на трон.

Король Мэрик задорно рассмеялся, и на миг Дункану подумалось, что его венценосный спутник, в сущности, не такой уж плохой парень. Затем по лодке хлестнул очередной порыв ледяного ветра, и юноша громко застучал зубами, а с лица короля словно стерли всякое подобие веселья. Странная тень промелькнула в его глазах, и он, отвернувшись, снова устремил сумрачный взгляд вдаль.

– Не советую, – пробормотал он.

Все труднее было представить, что Мэрик Спаситель – человек, который, как было известно всем, в одиночку вырвал свое королевство из жадных орлесианских лап, а потом возродил его и превратил в силу, с которой нельзя было не считаться, – и есть тот невеселый человек, что сидит сейчас в лодке напротив Дункана. Может, зря он упомянул о троне? Может, сидеть на троне – не такое уж и счастье?

– Да все равно, говорят, мне там ничего не светит, – виновато улыбнулся Дункан. – И к тому же Антива – отвратительное местечко. Там полным-полно наемных убийц и... и антиванцев. Так что я, пожалуй, лучше воздержусь.

Лодочник, который, пыхтя и отдуваясь, размеренно работал веслами, мельком оглянулся на них, но своего мнения об этом разговоре высказывать не стал. Если честно, Дункан вообще не был уверен, знает ли этот человек, что везет через озеро короля Ферелдена.

Несколько минут Мэрик молчал и лишь неподвижно смотрел на озеро. Дункан уже подумал, что так и будет до конца пути молча трястись от холода, кутаясь в меховой плащ, но как раз тогда король вдруг повернулся к нему и спросил:

– Что, собственно, такое порождения тьмы?

– А ты разве не знаешь?

– Я их видел, – признал Мэрик, – и мне еще тогда немного рассказали о них, но ты же Серый Страж. Ваш орден уже много веков борется с этими тварями. Наверняка вам известно о них больше, чем кому-либо другому.

Дункан коротко хохотнул:

– Они – чудовища.

– И?...

– Что «и»? Я, может, только полгода как Серый Страж.

– Вот, значит, как? Они чудовища – и это все, что тебе известно?

Дункан потер ладонью лоб, размышляя, вернее пытаясь размышлять. На таком холоде это было нелегко. В Вал Руайо тоже, бывало, шел снег, но тогда все сидели по домам, и жизнь в торговом квартале замирала. Карманнику в такие дни приходилось туго.

– Так... давай-ка поглядим, что я знаю. Насчет магистров, я думаю, тебе известно?

– Известно то, что говорится про них в Песни Света. Она гласит, что маги Тевинтера набрались наглости, чтобы захватить трон Создателя, но только осквернили небеса грехом.

– Точно, – кивнул Дункан, – и сами тоже были осквернены. Стали первыми порождениями тьмы. И чем тебя не устраивает эта история? Ее для тебя недостаточно?

Король с любопытством поглядел на него:

– Тебе не кажется, что она... как бы это выразиться... слишком удобна?

– Смотри, чтобы тебя не услышали преподобные матери! – засмеялся Дункан.

– Но ведь наверняка же за этим рассказом кроется еще многое?

Дункан беспомощно развел руками:

– Ты выбрал для разговора неподходящего Серого Стража. Я знаю только, что порождения тьмы все время ищут Древних Богов.

– И это все? Ничего больше? Должно быть, на вечеринках с ними скука смертная.

– Ну да, это все. Если быть точным, они вообще не думают.

Король Мэрик одарил Дункана многозначительным взглядом:

– Однако берут пленных.

Дункан пожал плечами, избегая его взгляда:

– Похоже на то.

Следующий час они сидели молча, и Дункан смотрел, как постепенно вырастает впереди силуэт Твердыни Кинлоха. Казалось, стройная, увенчанная шпилем башня поднимается прямо из середины озера, и юноша лениво гадал, как же маги исхитрились построить ее в таком месте. Может, они вырастили башню прямо из каменистого дна? Выглядела она нарядно, по крайней мере издалека. Вблизи же видно было, что стены покрыты темными пятнами и исхлестаны непогодой, а более широкий ярус в основании, покоившемся на каменистом острове, почти целиком укрыл снег.

Лодка проплыла прямо под остатками великанского моста, что некогда тянулся от берега к самой башне. Теперь от него осталась лишь одна из многих ветхая арка. То, что строение, пусть и полуразрушенное, простояло столько лет, наверное, делало честь мастерству его неведомых строителей. Дункан мог только гадать, почему они не починили мост. Может, забыли, как это делается? И о том, чего ради возвели посредине озера гигантскую башню, тоже забыли. Эта мысль весьма позабавила Дункана.

– Ты бывал здесь раньше? – спросил он короля.

– Один раз – во время войны. Другой – когда хоронили предыдущего Первого Чародея, правда, внутрь мы не заходили. Обычно Церковь против того, чтобы я здесь бывал. На всякий случай.

– То есть?

– На случай того, если среди магов обнаружатся те, кто выучил пару-тройку запретных заклинаний. Куда это годилось бы, если бы король Ферелдена стал марионеткой, подвластной чужой воле?

Глаза Дункана чуть заметно округлились.

– Неужели маги способны такое проделать?

– Думаю, куда важнее, что Церковь считает их на это способными.

Дункану уже приходилось слышать о магии крови. Именно с ее помощью древние маги-стры покорили весь Тедас, проливая кровь бесчисленных жертв, дабы напитать свою магическую силу и открыть путь на небеса. Именно по их вине, согласно учению Церкви, начались Моры.

С этим обвинением Андрасте низвергла магистров, объявив, что магия должна служить человеку, а не править им. Этот вдохновляющий клич был подхвачен всем Тедасом. Именно благодаря ему и возникли башни, подобные той, к которой плыли сейчас Дункан и Мэрик. В таких башнях магов можно было обучать, а самое главное – неусыпно следить за ними. Если благодаря магии крови и впрямь возможно подчинять чужой разум, может быть, церковники не так уж и не правы в своей подозрительности.

– Я однажды был в Башне Круга, – сообщил Дункан. – Она стоит в окрестностях Монсиммара, но на эту она совсем не похожа, скорее на крепость. Это оттуда призвали в орден Фиону.

Король как-то странно взглянул на него:

– Фиону? Это та самая эльфийка из нашего отряда?

– Ага.

Дункан снова устремил взгляд на башню: она стала уже огромной и заслоняла почти все небо. Лодка вошла в ее тень, и юноша уже мог разглядеть грот, к которому они направлялись, лавируя между острыми скалами. Вероятно, там находится вход, а также что-то вроде причала. Если нет – они налетят на камни и пойдут на дно. Все просто, проще не бывает.

– Мне их подарили, – сказал наконец Дункан, нарушая молчание.

Король, похоже, искренне удивился:

– Подарили?

– Я про кинжалы. Мне их дала Женевьева.

– Щедрый подарок.

– Возможно. Это было извинение. По крайней мере, мне так думается.

Вот теперь в глазах короля загорелся неподдельный интерес.

– Извинение? Ваш командор, сдается мне, не из тех людей, кто склонен к извинениям.

– Так оно и есть, – бесцветным голосом подтвердил Дункан.

Взгляд его не отрывался от воды, плескавшей у борта, и Мэрик не стал продолжать расспросы. Лодка медленно проплыла мимо торчавшего из воды утеса. Вокруг него колыхались и липли к камням склизкие водоросли. Грязная чайка, восседавшая на вершине, наклонила головку и заинтересованно уставилась на Дункана. Тот не обратил на птицу ни малейшего внимания и снова съезжился, плотнее запахнув меховой плащ, – порыв ледяного ветра, просвистевший над озером, тысячью промозглых иголок вонзился в его лицо.

– Зря мы взяли его с собой, – сказала Фиона, обращаясь к Женевьева.

Они дожидались прибытия лодки в пещере под башней, где располагалась пристань. Стены пещеры, смыкавшиеся высоко над головой, лоснились от влаги, и их омывало теплое оранжевое сияние волшебных фонарей. В Орлее такими фонарями освещались целые улицы – улицы самых богатых в империи кварталов. Там Круг магов получал щедрую плату за то, чтобы поддерживать это освещение, и раз в месяц ранним утром стайка молодых учеников под бдительным присмотром храмовников совершала обход. Ученики проверяли каждый фонарь – не истощился ли магический заряд в особым образом зачарованном кусочке мела. Процесс был довольно трудоемкий, и цвет орлесианского общества чрезвычайно гордился тем, что может себе позволить такое дорогостоящее чудачество.

Впрочем, то, что в стенах магической башни имелись такие фонари, вряд ли говорило о сказочном богатстве ее обитателей. Здесь подобное освещение было попросту удобно. Фиона

подозревала, что в Ферелдене, в отличие от Орлея, башня Круга – единственное место, где она может увидеть этот магический свет. Сама мысль о том, что практичные местные жители, даже если у них водятся лишние деньжата, станут тратить их на подобную роскошь, казалась смехотворной.

Женевьева, как и ожидалось, пропустила реплику Фионы мимо ушей. Скрестив руки на груди, она не сводила глаз со входа в пещеру. Она ожидала прибытия короля с той же непоколебимой сосредоточенностью, с которой делала почти все. С тех пор как они покинули Денерим, Фиона уже трижды высказывала свои возражения против присутствия короля в их отряде, и всякий раз командор Серых Стражей выслушивала ее с полнейшим безразличием. Без сомнения, ей были прекрасно известны все причины, по которым участие в их походе венценосной особы было по меньшей мере неразумно, и тем не менее она упорно двигалась к своей цели.

Насупившись, Фиона отвернулась от командора, чтобы не сказать этой женщине что-нибудь такое, о чем потом пожалеет. Раньше ей случалось необдуманно ляпнуть то, что вертится на языке. Лучше позаботиться о том, чтобы это не повторилось.

Пристань башни Круга представляла собой внушительную каменную плиту, вдоль края которой на равном расстоянии друг от друга торчали из воды деревянные причальные столбы. Странно, что их так много – хватило бы и одного.

Немногочисленные и угрюмые посетители трактира на берегу озера почти не обратили внимания на Серых Стражей – явно привыкли, что здесь часто появляются чужаки. Но, как выяснилось, лишь одна лодка могла доставить гостей в башню. Переправляться через стьюое озеро пришлось по двое зараз. Что было бы, если бы возникла неотложная нужда доставить в башню либо вывезти из нее большое количество людей, Фиона даже представить не могла.

А может быть, обитателей башни это вполне устраивает? Там, где обучалась Фиона, магов укрывали от подозрительного внешнего мира высокие каменные стены. Можно не сомневаться, что обширное озеро выполняет эту задачу ничуть не хуже.

На пристани тут и там в беспорядке валялись старые ящики, тачки и прочие разнообразные орудия. Неужели и все необходимые припасы доставляются сюда все той же единственной лодкой? Фионе представлялось, что суда могли бы приходить сюда из Редклифа, расположенного южнее, но им пришлось бы плыть довольно долго. Здешнему лодочнику, должно быть, бездельничать не приходится. За дощатыми, изрядно блеклыми и покоробленными воротами виднелся большой закрытый подъемник, и вверх, в темноту, уходила винтовая лестница с широкими ступенями.

Даже озаренная волшебным светом, пристань выглядела уныло и негостеприимно. Отрывистая дробь капель, ударявшихся о поверхность озера, звучала непрерывно и размеренно до безумия. Обломки плавника и прочего мусора колыхались в воде и, скапливаясь вдоль края причала, терлись о камень с едва слышным шуршанием. В пещере стоял густой, всепроникающий запах сырости и прогорклого масла.

Став Серым Стражем, Фиона поклялась, что ноги ее больше не будет ни в каком Круге, – и вот пожалуйста. Об этом она тоже говорила Женевьева – и точно так же ничего не услышала в ответ. Главное – их миссия. Главное – выиграть время. Командор повторяла эти слова так часто, что с тем же успехом могла бы вырезать их на собственной груди.

Оттого что она вполне способна так поступить, Фиону бросало в дрожь.

За всю свою жизнь эльфийка сталкивалась с порождениями тьмы только единожды – как раз перед тем, как ее посвятили в Стражи. И не настолько долго пробыла в ордене, чтобы это событие повторилось, а потому считала, что ей чрезвычайно повезло. Те немногие рассказы, которые она слышала об этих тварях, утверждали одно и то же: орден Серых Стражей много-много веков назад нанес порождениям тьмы окончательное поражение и больше они уже никогда не поднимут головы. Теперь же ей говорили совсем другое. Серые Стражи внушили ей, что несметная армия порождений тьмы только и ждет случая снова вырваться из-под земли и,

словно саранча, заполнить мир. Если это и вправду так, то их непременно надо остановить, и это не подлежит сомнению.

Но почему для того, чтобы сделать это, им понадобился людской король?

Фиона отошла от Женевьевы, застывшей на краю причала, и сердито зашагала к Келлю, который расслабленно привалился к дальней стене, скрестив руки на груди и низко опустив голову. Капюшон его был натянут на лицо, и вполне вероятно, что охотник просто спал. Фионе и прежде доводилось видеть, как Келль спал стоя. Даже во время отдыха во всей его позе таилось напряжение.

У ног следопыта свернулся клубком серый волкодав. Кромсай, по крайней мере не скрываясь, похрапывал, и его задние лапы едва заметно подергивались во сне. Всякий раз, когда Фиона видела этого пса, она дивилась тому, какой он громадный. Прежде она ни за что бы не подумала, что собака может представлять опасность для вооруженного воина, но, когда впервые увидела, как Кромсай, оскалив клыки, стремительно несется на врага, тут же изменила мнение.

Там, где росла Фиона, собак держать не позволяли. Одно время она водилась с тощей уличной кошкой и тайком приносила ей остатки ужина. Кошка всегда знала, что Фиона непременно появится, и всякую ночь, когда не было дождя, сидела на привычном месте, в лунном свете дожидаясь девочку. При виде Фионы она сразу оживлялась, а когда та подходила ближе, испуганно вилась у нее под ногами. Для эльфийки эта кошка была тайным сокровищем в отвратительном и уродливом мире.

А потом однажды ночью ее не оказалось на месте. Отчего-то Фиона знала, что кошка больше не придет, и все равно каждую ночь в бесплодной надежде приходила ее дожидаться. В последнюю такую ночь она даже не стала ужинать и припрятала несколько ломтиков жирной свинины в надежде, что щедрое подношение соблазнит кошку вернуться.

Убедившись, что снаружи только темнота и ни одной живой души, Фиона горько рыдалась и стала молиться Создателю. Быть может, Он в Своей безграничной мудрости не сочтет за труд позаботиться об одинокой уличной кошечке, где бы она сейчас ни была? Жаркий шепот Фионы привлек внимание расположившегося неподалеку бродяги, эльфа, который лишился руки, а потому не способен был даже к черной работе – единственной, которая была доступна сородичам Фионы. Вне сомнения, он почуял запах свинины, которую девочка прихватила из дому, а потому сбил ее с ног и, выхватив мясо, убежал.

Кошку она так никогда больше и не видела. В детские годы она старалась спрятаться от горькой правды, предпочитая думать, что животное каким-то образом сумело преодолеть высокие стены, окружавшие эльфинаж. Наверняка кошка отважно пробралась в ту часть города, где жили люди, где полно было вкусной еды и упитанных мышей. Там она могла жить по-королевски, лакомясь объедками, которые так щедро выбрасывали неразумные люди, – объедками, при виде которых всякий эльф от зависти истек бы слюной. Теперь, повзрослев, Фиона понимала, что бедняжку, скорее всего, поймал в силки тот самый бродяга. Большинство эльфов, которых она знала, были слишком горды, чтобы употреблять в пищу кошек, собак или крыс, однако были и другие. Девушку до сих пор изумляло, как сумел отец так долго оберегать ее от такого безысходного существования. После его смерти все изменилось.

Опустившись на колени, Фиона медленно провела ладонью по жесткой шерсти Кромсая. Задние лапы пса стали подергиваться медленнее, и он, не просыпаясь, тихонько заскулил. Когда пальцы эльфийки добрались до основания уха, волкодав от удовольствия запрокинул голову. Девушка усмехнулась.

– Ты его избалуешь, – прозвучал негромкий голос Келля.

Фиона подняла взгляд на охотника. Он до сих пор так и не шелохнулся, но теперь в упор смотрел на нее, и в его светлых глазах горел сумрачно-насмешливый огонек. Следопыт,

как она уже успела убедиться, был немногословен, однако неизменно ухитрялся донести до собеседника свою точку зрения.

– Кромсай заслужил, чтобы его немножко побаловали, – тихонько засмеялась она. – Он сражается бок о бок с нами. Когда-нибудь он вволю глотнет крови порождений тьмы, и тогда его жизнь оборвется.

Говоря это, она продолжала почесывать пса, и тот лениво перекатился на спину. Задрав вверх могучие лапы, он издал умильный сонный стон. Фиона принялась чесать его брюхо.

– Кромсай такой же Серый Страж, как и все мы.

Эти слова поразили Фиону.

– Ты хочешь сказать, что он...

Келль кивнул:

– Я не думаю, что его убьет оскверненная кровь.

Носком кожаного сапога он ласково потыкал пса между ребер. Кромсай открыл глаза и, повернув голову, с обожанием уставился на хозяина. Странно было, что такой могучий зверь породы, столь недвусмысленно созданной для боя, способен бросать на кого-то такие нежные взгляды.

– Как и всех нас. Участь всех Серых Стражей – погибнуть в битве с порождениями тьмы, не так ли?

– Не всех, – пробормотал Келль, кивком указав туда, где белела непокрытая голова Женевьевы. – Мора не случилось уже несколько столетий. Многие из нас живут так долго, что успевают состариться, как бы ни противились этой участи.

– И что бывает тогда? Мы внемлем Призыву?

Келль глянул на нее, изогнув бровь:

– А ты бы не вняла?

Фиона не знала, что на это ответить. Она совсем недавно стала Серым Стражем, и то, что ей доведется, быть может, прожить так долго, что скверна в крови вынудит ее делать подобный выбор, сейчас казалось невероятным. И все же если это произойдет, если устойчивость к скверне когда-нибудь ослабнет... При одной мысли об этом Фиону бросало в дрожь. Она видела, что происходит с теми, кто заразился скверной порождений тьмы. И внутренне содрогалась, сознавая, что эта же мерзость течет вместе с кровью по ее жилам.

И все же пенять на это у нее не хватало духу. Она рада была, что стала Серым Стражем. Рада куда больше, чем многие другие.

Фиона похлопала Кромсая по брюху, давая понять, что ласки закончились. Пес удовлетворенно вздохнул и перекатился на живот. И большими карими глазами уставился на Келля, безмолвно выклянчивая подачку. В ответ охотник сунул руку в кошель на поясе и извлек полоску вяленого мяса. Громадный зверь немедля вскочил, при этом он едва не сбил с ног Фиону.

– Прошу прощения, – извинился Келль и бросил мясо псу.

Тот на лету цапнул лакомство, не дав ему даже коснуться пола. Можно было не сомневаться, что Кромсай способен сожрать этот ломтик в считанные секунды, однако, повинувшись велению собачьей гордости, он потрусил прочь, дабы насладиться трапезой вдаль от посторонних взглядов.

Фиона улыбнулась и стряхнула с ладоней пыль и комочки грязи. Она сомневалась, стоит ли заводить разговор с Келлем, но все же повернулась к охотнику – тот выжидающе смотрел на девушку.

– Что ты думаешь о том, что с нами идет король? – спросила Фиона.

– Думаю, что тебе следует говорить об этом не со мной, а с Женевьевой.

– Тебе не кажется, что, если с королем Ферелдена под нашей опекой что-нибудь случится, несладко придется всем Серым Стражам?

– Ты уверена, что тебя не устраивает именно это?

Фиона насупилась. Келль глядел без тени насмешки, и наконец она вздохнула и, обернувшись, глянула в сторону командора:

– Даже если бы и так, ей на это было бы глубоко наплевать.

Горечь, прозвучавшая в голосе Фионы, была куда слабее горечи, разъедавшей ее душу.

Если Женестьева и расслышала ее слова, то не подала виду. Она так и стояла, упорно и целеустремленно глядя на вход в пещеру. Впрочем, не услышать Фиону ей было бы нелегко. Вопреки доводам рассудка эльфийке отчаянно хотелось хоть разок пробить стену железного спокойствия этой женщины. Затаенное бешенство, которое она видела в глубине этих глаз, приводило ее в ужас, но уж лучше бы выдержать приступ этого бешенства, чем ожидать, когда оно вырвется наружу. Когда-нибудь командор не выдержит, и весь гнев, который она накопила под маской холодной уверенности, ударит раскаленным фонтаном... и уж тогда поплывутся они все.

– Она всех нас погубит, – проговорила Фиона вслух, вполголоса, но достаточно громко, чтобы Женестьева сумела ее расслышать. – И короля тоже. Вот погоди – сам увидишь.

Говоря это, она не сводила пристального взгляда с командора, но та даже бровью не повела.

Ухмылка Келля яснее слов сказала Фионе, что он думает о ее храбрых речах, однако высказывать свое мнение вслух не стал. Вернулся Кромсай, приносиваясь в надежде на чудесное явление еще одного ломтика мяса – и тогда Келль кивком указал Фионе на вход в пещеру. Эльфийка сама уже расслышала мерные всплески весел, которые становились все громче. Похоже, его величество наконец-то изволили прибыть.

– Какое счастье! – почти беззвучно процедила она.

Женестьева ожила и, обернувшись, одарила их стальным взглядом:

– Келль, сообщи Первому Чародею, что мы скоро будем. Я не намерена задерживаться здесь дольше, чем это будет необходимо.

Охотник бесшумно исчез в проеме винтовой лестницы, волкодав, мягко ступая, двинулся за ним. Взгляды Женестьевы и Фионы скрестились – всего лишь на долю секунды, но и этого эльфийке хватило с лихвой, чтобы содрогнуться от ужаса при виде того, что она прочла в глазах командора. Неужели она только что сравнивала эту женщину с вулканом? Нет, скорее уж айсберг, окутанный стылым туманом, неотвратимо скользящий по водной глади в поисках беззащитного судна, которое он сокрушит своим гигантским весом.

Лодка медленно вплыла в поле зрения, на миг почти заслонив собой вход в пещеру. Лодочник проворно молотил веслами по темной воде. Бедолага Дункан скорчился на скамье, кутаясь в меховой плащ, а Мэрик сидел, явно не замечая холода. Фиона постаралась изобразить полное безразличие. Отец вечно корил ее за то, что по ее лицу всякий может прочесть чувства, точно в открытой книге. Обычно эльфийка считала, что это скорее достоинство, но сейчас, пожалуй, не помешало бы взять пример с невозмутимости Келля, поскольку король, буде ему пожелается, способен превратить их жизнь в вечный кошмар.

Пара секунд – и суденышко ударилось о край пристани. Лодочник привязал его к шесту. Дункан сбросил меховой плащ и тотчас вернул его королю, который с неподдельным восхищением оглядывал пещеру.

– Когда я был здесь в прошлый раз, тоже стояла зима, – заметил он. – Правда, мне кажется, что с тех пор пещера стала просторнее. Маги ведь могли расширить ее? Наверное, могли.

Женестьева пропустила его вопрос мимо ушей.

– Мэрик, нам надо идти. У меня нет никакого желания оставаться здесь на ночь, если этого можно избежать.

– Мы что, сразу поплывем назад? – горестно возопил Дункан. – Тогда почему было не оставить меня в трактире?

Женевьева в упор глянула на него:

– И чем бы ты там занимался? Кур охранял?

Он не стал спорить, только съежился с таким несчастным видом, что Фиона едва сдержала смех. Дункан был лишь на пару лет ее моложе, но порой казалось, что он совсем еще мальчишка. Эльфийка знала, что на самом деле это совсем не так. Там, где вырос Дункан, дети поневоле выросли очень быстро. Каковы бы ни были недостатки этого юноши, наивность в их число не входила.

– Может, было бы милосерднее усыпить его на время обратного пути? – с лукавой усмешкой предложил Мэрик.

– Ничего, переживет.

С этими словами Женевьева развернулась и зашагала к лестнице, даже не потрудившись убедиться, что все остальные идут следом. Дункан побрел за командором, и, только когда они оба исчезли из виду, Фиона запоздало сообразила, что король так и не тронулся с места. Они остались наедине.

Непохоже было, что Мэрик собирается куда-то идти. Он так и стоял на краю пристани, глядя на Фиону, и она никак не могла понять, что выражает этот взгляд. Задумчивость? Злость? Эльфийка вынуждена была признать, что этот человек – чего никак нельзя было ожидать от короля – обладал определенным обаянием. Впрочем, она не сомневалась, что и это впечатление обманчиво. Фиона давным-давно научилась не судить таких людей только по внешности.

Равнодушно пожав плечами, она повернулась, чтобы уйти. Король, если ему угодно, может торчать здесь, пока не посинеет от холода, – ее это не волнует. Она уж точно не испытывает ни малейшего желания его дожидаться.

– погоди! – вдруг окликнул он. – Тебя ведь зовут Фиона, верно?

Девушка остановилась, и сердце ее ухнуло в пятки. Мысленно она проклинала свою чрезмерно выразительную физиономию: «Ну конечно, ты просто не в состоянии похлопать ресницами и мило заулыбаться, точно какая-нибудь смазливая шлюшка! Этому ведь так трудно научиться, да?» Сделав судорожный вдох, она медленно повернулась.

– Чем могу служить? – осведомилась она, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно бодрее.

– Служить? – Ее вопрос явно привел короля в замешательство. – По правде говоря, я надеялся, что мы сможем поговорить. Насколько я понял, мое присутствие в отряде тебе не по душе.

– Столь важной особе нет нужды обременять себя заботами о том, что мне по душе, а что нет.

– Зря стараешься. – Мэрик назидательно погрозил пальцем и направился к Фионе. Она не дрогнула, твердо решив, что отступать не станет. Будь она проклята, если отступит перед кем бы то ни было, будь он даже венценосный болван! – Ты можешь думать, что я глухой, однако я прекрасно слышал, как ты не единожды выражала командору свое возмущение.

– И что с того? Неужели это так глупо – считать, что королю Ферелдена не место на Глубинных тропах?

– Нет, не глупо – если дело только в этом.

Фиона презрительно фыркнула. Она знала, что воспитанным дамам не полагается издавать такие звуки, однако ее терпение стремительно истощалось. Чародейка, когда-то обучавшая эльфийку, утонченная особа с молочно-белой кожей и безупречными манерами, тяжело вздыхала всякий раз, когда Фионе вздумывалось хотя бы дернуть бровью. Это лишь толкало девушку проделывать такое почаще, усугубляя муки своей наставницы.

Лодочник, о котором все забыли, сидел неподалеку и изо всех сил старался остаться незамеченным. Он выудил из недр куртки кусок коврижки и принялся украдкой грызть его, косясь на Мэрика и Фиону – так, словно надеялся, что они уберутся отсюда и дадут ему спокойно перекусить. А может, он наслаждался дармовым спектаклем – этого Фиона определить не могла.

– Прощу прощения, милорд, что задела твои чувства, – процедила она сквозь зубы, натужно улыбаясь. – Больше этого не повторится.

Король с упрямым видом скрестил руки на груди:

– Мои чувства нисколько не задеты. Тем не менее, если хочешь мне что-то высказать – валяй.

Фиона с затаенной тоской покосилась в сторону лестницы. Можно было бы просто повернуться и уйти, но тогда Мэрик решит, что она позорно бежала. Еще один соблазнительный выход – попросту послать его величество подальше.

Однако Женестьева со всей строгостью потребовала, чтобы королю не досаждали, и Фиона, вспомнив об этом, замялась. Как правило, она терпеть не могла, когда ей указывали, что можно говорить, а что нельзя, однако она собственными глазами видела, куда попытка непослушания завела Дункана. Женестьева была одной из тех немногих, кого Фиона искренне уважала.

– Послушай, – решительно начала она, – это же нелепо. Ну какое тебе дело до того, что я думаю? Либо, если уж на то пошло, до того, что думают другие?

– Ты уходишь от ответа. Это командор приказала тебе так поступать?

«Надо же, какой проникательный!» Фиона, впрочем, не собиралась поддаваться.

– Ты и во дворце у себя так поступаешь? Прибегаешь ко всем слугам и садовникам и интересуешься, по душе ты им или нет? Вот, должно быть, хлопотная у тебя жизнь.

– Думаю, если бы кто-то из моих слуг одарил меня такими убийственными взглядами, я бы по меньшей мере остановился и спросил почему. – Мэрик сделал паузу, и на лице его вновь появилась сумрачная усмешка. – Или ты полагаешь, что меня такое не должно волновать? Что это, может быть, не по-королевски?

– Я пока что не наблюдаю за тобой ничего такого, что хоть отдаленно может зваться королевским.

– Ого! – Король, похоже, был неумеренно доволен тем, что сумел хоть что-то из нее вытянуть. Фиона попыталась обуздать разгоравшуюся злость, однако почти не преуспела в этом. Впрочем, ей это никогда толком не удавалось. – Так это и есть камень преткновения? Ты считаешь, что я веду себя недостаточно по-королевски?

Фиона выразительно закатила глаза.

– Вот уж это пусть заботит твоих подданных! – едко отпарировала она. – Я к ним, по счастью, не принадлежу. И тем не менее мне их жаль. Как, должно быть, здорово иметь короля, который с такой готовностью бросает все, чтобы поиграть в героические подвиги!

Мэрик ответил не сразу.

– По-твоему, я их бросил? Я пошел с вами, чтобы помочь Серым Стражам защитить их от опасности.

– Ну да, конечно! – скептически хмыкнула Фиона. – Но в любом случае это, само собой, не мое дело – так? Мое дело – убивать порождений тьмы. – Она махнула рукой в сторону лестницы. – И нам следует вернуться к делам, верно?

– Там, наверху, нет порождений тьмы.

– Здесь, внизу, их тоже нет. Есть только человек с непомерно развитым самомнением, который считает, что все должны его любить.

– Я от тебя никогда ничего такого не требовал.

– Ну так пусть тебя не волнует, что ты этого не получаешь.

С этими словами Фиона повернулась к Мэрику спиной и решительно двинулась к лестнице. Она представляла себе, как он по-прежнему стоит на краю пристани, в смятии глядя ей вслед, и как лодочник неловко ерзает в своей лодке. Пусть король сам решает, жаловаться ли Женеьеве на то, что она, Фиона, так ему досадила. Если бы кто-нибудь спросил о ее мнении на сей счет, она ответила бы, что этому человеку небольшая встряска пойдет только на пользу.

Мэрик не пошел за ней следом, во всяком случае не сразу. Фиону это несказанно обрадовало.

Дункан изо всех сил старался не зевнуть.

Именно об этом предостерегал его Жюльен, куда маги вели короля и Серых Стражей в огромный зал собраний, который располагался на самой вершине башни. На таких официальных встречах, шептал он, наихудший проступок, какой только можно вообразить, – зевать. Вначале Дункан считал, что в таком предостережении не нуждается. На самом деле ему нужно было заботиться только об одном – чтобы слишком откровенно не глазеть по сторонам.

В самом центре сводчатого потолка было огромное окно, пропускавшее солнечный свет. За мраморными колоннами располагались ряды скамей, где можно было разместить больше сотни человек, и на всех этих скамьях тесно сидели облаченные в мантии маги, от совсем юных учеников до пожилых чародеев. На высокой галерее в конце зала расположились храмовники и служители Церкви, и все они смотрели с одинаковым суровым неодобрением. Дункану подумалось, что для них это самое подходящее занятие – взирать на происходящее сверху вниз.

Посреди зала, в потоке солнечного света, который лился из окна, стояли Первый Чародей и явно изнывавшая от нетерпения Женеьева. Маги, собравшиеся в зале, вытягивали шеи, неприкрыто глаза на них, и гул голосов, который перебегал от скамьи к скамье, становился все громче. Дункан даже не мог бы сказать, что вызывало у магов большее изумление – присутствие в башне короля или командора с отрядом. В конце концов, Серые Стражи были здесь наиболее редкостным зрелищем. В других местах их встречали совсем иначе.

Впрочем, церемония, которая последовала за этим, затянулась так надолго, что благоговейное восхищение Дункана плавно перешло в ужасную скуку. Первый Чародей настоял на том, чтобы разразиться длиннейшей речью, в которой по большей части расточались восхваления Серым Стражам и неумеренные комплименты королю. Юноша поневоле задумался, стоило ли допускать такое – в конце концов, Мэрик вроде как путешествует с ними тайно, – однако ни сам монарх, ни Женеьева как будто не возражали.

Первый Чародей по очереди вызывал к себе Серых Стражей и каждому вручал черную брошь, изготовленную специально для этого случая. Дункан хорошенько рассмотрел украшение и нашел его совершенно непримечательным: гладко обточенный оникс, даже без красивой оправы и каких-либо знаков.

Впрочем, если учесть, что броши должны помешать порождениям тьмы учуять Серых Стражей, эти штучки чрезвычайно полезны. Теперь ясно, почему Женеьева согласилась задержать выход на Глубинные тропы и дала добро на всю эту церемонию. Хотя – Дункан это хорошо видел – даже она понемногу начинала терять терпение.

Королю вручили кожаный кошель, набитый снадобьями в крохотных стеклянных сосудах. Как сказал Первый Чародей, это весьма редкая смесь различных трав, которая даст Мэрику силы сопротивляться заразе, разносимой порождениями тьмы. В конце концов, он единственный в отряде, кто не обладает устойчивостью к скверне. Каждое утро король должен принимать содержимое одного сосуда; Дункан прикинул, что этого запаса Мэрику хватит на две недели.

Какой, однако, оптимист этот Первый Чародей.

Многословное жужжание продолжалось, но Дункан к нему уже почти не прислушивался. Все равно к этому времени речь в основном велась уже не о Серых Стражах, и Женеьева

явно изнывала, дожидаясь лишь повода, чтобы распрощаться и удалиться, но, конечно, Первый Чародей Ремийе отнюдь не был склонен давать ей такой повод.

А потому Дункан стал глазеть по сторонам, рассматривая магов. Одно лицо особенно привлекло его внимание. Это была юная, довольно хорошенькая ученица с растрепанными каштановыми волосами и кроткими внимательными глазами. Она тоже смотрела на Дункана. Вначале он отвел глаза, но взгляд его помимо воли снова и снова возвращался к этой девушке. Нет, она совершенно точно смотрит на него, и именно на него.

Девушка чуть заметно помахала ему и просияла улыбкой. Дункан без особой охоты помахал в ответ, стараясь не улыбаться чересчур многообещающе. И снова стал озираться по сторонам. Может, поблизости сыщется какой-нибудь выход? Долго он этой тягомотины не выдержит.

Оказалось, что ему несказанно повезло. Шагах в десяти от того места, где он стоял, располагалась небольшая дверца. Охраняли ее два суровых храмовника, которые, впрочем, были больше увлечены речью Первого Чародея, нежели исполнением своих обязанностей. Дункану это, честно говоря, было совершенно непонятно, ну да каждому свое.

Никем не замеченный, он проскользнул в дверцу – и был таков.

Довольно ухмыляясь, Дункан бесшумно пробирался сумрачными недрами башни. У магов, по его наблюдениям, был свой пунктик: они предпочитали, чтобы в коридорах царил приятный полумрак. То ли недостаток освещения придавал аскетичности их занятиям, то ли у них не было возможности наделать вдоволь тех диковинных фонарей, которые они расставили вокруг башни. В любом случае пробираться крадучись в этом полумраке было легко.

Те храмовники, которые не присутствовали на галерее в зале собраний, тоже, судя по всему, были не слишком-то склонны высматривать непрошенных гостей, таких как Дункан. Им гораздо интереснее было запугивать проходящих мимо молодых магов. Дункан сам видел, как двое таких ребят – парнишка немногим моложе его самого и девочка лет десяти, не больше, – опасливо пробирались мимо закованного в тяжелые латы храмовника, и вдруг тот притворился, будто бросается на них. Оба взвизгнули от страха и, прижав к груди переплетенные в кожу фолианты, кинулись наутек. Храмовник фыркнул, давась смехом.

«Интересно, – подумал Дункан, – каково это – вырасти вот в таком месте?» Он слышал, что людей, обладающих магическим даром, отыскивают еще в детстве, отнимают у родных и забирают в Круг. Там они учатся управлять своим даром или, пытаясь выучиться, погибают.

Если задуматься – здорово похоже на Серых Стражей.

Бесшумно ступая, Дункан пересек вестибюль и отважно прошмыгнул за спиной одного из стоявших на посту храмовников. Часовой, как заметил юноша, просто-напросто спал стоя, а впрочем, можно было только гадать, к чему в башне такая многочисленная охрана. Повсюду, куда ни глянь, были храмовники, а вдобавок еще священницы в красных рясах. Числом они явно превосходили волшебников, по крайней мере в этой части башни. Неужели они настолько боятся магии?

Дункан знал когда-то человека, который владел магией. Звали его Люк, был он, как и Дункан, уличным бродяжкой, а еще они дружили. Дункана всегда восхищало, как лихо удается Люку обчищать чужие карманы, и вот однажды он подглядел, в чем тут фокус. Люк попросту проводил рукой над карманом, и все, что там лежало, само прыгало ему в ладонь. Как-то ночью Дункан пристал к Люку с расспросами, и тот сознался, что сызмальства немного умеет колдовать.

Отец Люка был маг, который посещал в борделе его мать, покуда она не обнаружила, что беременна. После этого мага и след простыл, а мать Люка вечно беспокоилась, что у сына тоже проявится дар. По этой причине Люк скрывал свои особые таланты от матери, да и от всех остальных тоже. Для него этот дар, пусть и полезный, был сущим проклятием.

Дункан никому не рассказал о тайне друга, но каким-то образом слухи все же пошли. Очень скоро кое-кто из воров стал поглядывать на Люка с растущим подозрением. Если парнишка может сделать так, чтобы добыча сама прыгала ему в руку, на что еще он способен? Может, он и их обворовывает? Верно, накладывает заклятия, чтобы они все забыли, а может, он и вообще опасен.

Люк был до смерти зол на Дункана, поскольку считал, что правда просочилась именно по его вине. Впрочем, в конечном счете это не имело значения. Явились храмовники и, когда Люк попытался бежать, его убили. Хладнокровно прикончили прямо на глазах у друга. Никто, конечно, и слова не сказал. Подумаешь – сгниет в сточной канаве труп еще одного вора, да к тому же мага-отступника.

Дункан знал, где Люк прятал свою добычу – на чердаке заброшенной церкви. Рассудив, что другу все это добро больше не понадобится, он опустошил тайник и был приятно удивлен тем, как много там оказалось денег. Их хватило, чтобы продержаться несколько нелегких зим, да еще, пусть и ненадолго, найти себе крышу над головой. И все равно у него было тяжело на душе. Лучше бы Люк был жив, хотя даже и заточен в такой вот башне. В тех местах, где вырос Дункан, не часто можно найти друзей.

Он заглянул в тускло освещенный зал и увидел, что это, скорее всего, библиотека. Вдоль стен бессчетные ряды запыленных книг, на столах горы свитков и подсвечники с чадящими, почти догоревшими свечами. Дункан не очень хорошо представлял, сколько всего должно прочитать, чтобы выучиться заклинаниям, но, судя по всему, немало. Сейчас в библиотеке было двое магов, оба в мантиях полноправных чародеев. Они рылись в стопках фолиантов, а храмовник, торчавший у жарко горящего очага, сверлил их недружелюбным взглядом.

Хорошо, что книги воровать невыгодно, а значит, у Дункана нет причины соваться сюда.

Он двинулся дальше, избегая больших залов в центральной части башни, поскольку именно там толклось больше всего народу. Хотя, наверное, Дункану и беспокоиться было не о чем. Почти все собрались сейчас наверху и глазают на всякие церемонии в честь короля и Серых Стражей, которые измыслил Первый Чародей. Именно потому Дункану так просто оказалось ускользнуть оттуда. Если повезет, болтливый орлесианец еще будет разливатьсь соловьем, когда Дункан уже вернется назад... хорошо бы с полными карманами всех ценных безделушек, которые только ему удастся здесь обнаружить.

Ему вдруг пришло в голову, что он, вполне вероятно, может снова нарваться на неприятности. Когда такое случилось с ним в прошлый раз, он в итоге стал королевским мальчиком на побегушках. «Что ж, – подумал Дункан, – значит, надо постараться, чтобы на этот раз меня не поймали на горячем. Только и всего».

Услышав звук приближающихся шагов, он проворно нырнул в какую-то нишу и укрылся за спиной торчавшей там статуи. Мимо прошел эльф в серой мантии, с совершенно безмятежным лицом – Дункан уже видел такие лица, и именно у тех, кто был одет в серое. Фиона назвала их «Усмиренными», и в голосе ее при этом прозвучало явное отвращение. Дункан спросил, что это значит, но она не пожелала ответить. Юноша знал, что Усмиренные были в башне чем-то вроде домоправителей: они занимались повседневными хозяйственными делами, а также ведали торговлей, которую Круг вел с внешним миром. Помня это, Дункан никак не мог взять в толк, отчего Фиону всякий раз при виде Усмиренных бросает в дрожь. В их бесчувственном спокойствии было что-то пугающее, – может, дело в этом?

В тот миг, когда эльф шествовал мимо статуи, Дункан протянул руку и схватил связку ключей, которую заметил у него на поясе. Сдернуть их с крючка, даже не звякнув, было проще простого. Юноша затаенно усмехнулся.

Ключи были большие, железные – такими обычно запирают висячие замки или ворота. Или сундуки. Эта соблазнительная мысль вертелась в голове у Дункана, пока он выбирался из ниши за статуей. Где же замки, к которым подходят эти ключи? Может, Усмиренный придет,

куда шел, и обнаружит пропажу? Решит ли он, что потерял ключи, и вернется их поискать или поднимет тревогу? В любом случае мешкать не стоит.

На то, чтобы миновать еще несколько ярусов башни, времени у Дункана ушло немало. Всякий раз, когда навстречу шел какой-нибудь храмовник, приходилось нырять в темный угол и там пережидать опасность. Дункану это изрядно действовало на нервы. Впрочем, когда шариишь в доме магов, поневоле пот прошибет.

Наверх вели небольшие боковые лесенки, что избавляло Дункана от необходимости соваться на центральную лестницу. Он заметил, что чем выше поднимается, тем теснее и тише становится вокруг. Коридоры теперь изрядно сузились, и не слышно было даже отдаленного топота закованных в латы храмовников. Отлично. Это сильно облегчит дело.

Почти все помещения здесь оказались спальнями – в каждой по несколько кроватей и большие сундуки. В одних комнатах царил безупречный порядок, в других – совсем наоборот. Может, это спальни учеников? При этой мысли Дункан слегка усомнился в том, что ему повезет с добычей. В ученических пожитках уж верно не сыщется ничего ценного.

Вскоре, однако, он дошел до той части коридоров, где было темнее всего и все двери оказались заперты. Может, это комнаты старших магов? Здесь ему куда вероятнее может повезти.

Стараясь не шуметь, Дункан опробовал добытые ключи на нескольких дверях. Без толку, ключи оказались чересчур велики. Юношу так и подмывало пустить в ход отмычку, которая была припрятана в поясе, но он понятия не имел о том, каким способом хозяева этих комнат охраняют свое имущество. Дункану доводилось слышать о ловушках, что плюются огнем или бьют молнией. Он и сам когда-то знал одну девчонку, которая заплатила жизнью за попытку вскрыть сундук, принадлежавший магу. От нее остались лишь обугленные кости да кучка пепла.

Так что – фигушки. Заниматься взломом он не намерен. Если его застигнут шарящим по комнатам в башне магов, Женестьева, конечно, будет в ярости, но вот если он даст себя убить – она просто лопнет от злости.

Дункан уже готов был сдаться и поискать способ подняться еще выше, когда в самом конце коридора заметил большую дверь – высотой футов восемь, не меньше, из темного дерева, с фигурной бронзовой ручкой, каких на других дверях не было. И что самое главное – здесь была довольно крупная замочная скважина. С виду как раз подходящая для железного ключа.

Ухмыляясь, юноша подобрался к двери и опробовал один из ключей. Тот вошел легко, но не провернулся. Дункан замер, ожидая, что его вот-вот поразит молнией... но не дождался.

И позволил себе беззвучно выдохнуть.

Он проверил еще два ключа, прежде чем обнаружил тот, который повернулся в замке. Раздался громкий щелчок, и дверь отворилась внутрь. Дункан напрягся, почти уверенный, что из комнаты на него прыгнет какая-нибудь магическая тварь, может даже демон. Говорят же, что демоны роятся вокруг магов точно мухи. В башне их наверняка полным-полно!

Однако ничего подобного не произошло. За дверью была только темная комната, и путь в нее Дункану преградила только его собственная глупость. Нервным движением он отряхнул руки и решительно вошел.

Слабый свет проникал в высокое арочное окно, за которым едва были различимы гладь раскинувшегося вокруг башни озера и смутные очертания дальнего берега. Дункан поежился, краем глаза рассматривая помещение. Здесь стояла роскошная кровать с позолоченными столбиками – юноше пару раз доводилось видеть такие кровати в Орлее. Стол из красноватого дерева неведомой породы был завален пергаментами и переплетенными в кожу фолиантами. За серебряную чернильницу могли бы дать неплохую цену, но не настолько, чтобы ее стоило красть.

Дверцы массивного гардероба были распахнуты, и внутри – чего, собственно, и следовало ожидать – висели плащи, шерстяные накидки и обычные для магов мантии, но, лишь когда

Дункан подошел поближе к шкафу и пригляделся, его вдруг осенило. Некоторые из этих мантий были украшены тем же узором, что и одеяние Первого Чародея. Неужели это его комната? При мысли об этом юноша одновременно испытал возбуждение и ужас.

Похоже, так и есть. Комнату украшало несколько статуэток – изящные женские фигурки, выточенные из слоновой кости. Именно такие штучки сейчас последний писк моды у орлесианской знати, – по крайней мере, так говорил Дункану один скупщик краденого. Щит, висевший на стене, выглядел внушительно и дорого. Не меньше притягивал взгляд и полный чешуйчатый доспех на стойке у стены – огромный и позолоченный, – вот только вынести его отсюда было бы нелегко.

Вот если бы удалось отыскать что-то действительно небольшое и ценное – то, что можно прихватить с собой... Дункан замер – почудилось, будто в коридоре раздались шаги, но это всего лишь в очередной раз стукнула о стену створка распахнутого окна, вначале тихо и почти сразу оглушительно громко.

Он уже собирался более тщательно обшарить стол, когда краем глаза заметил нечто в самом низу гардероба. В груди свернутого белья поблескивал какой-то предмет. Его явно пытались спрятать. Медленная улыбка скользнула по губам Дункана, и он, опустившись на колени, раздвинул свертки белья. Глазам его предстала покрытая красным лаком коробка – длинная, узкая, с крохотным золотым замочком. «Изящная штучка, – подумал Дункан, – как раз в такой вполне могут храниться драгоценности».

Отгоняя прочь мрачные мысли о том, что на изящную штучку может быть наложена магическая защита, юноша осмотрел замок, а затем достал из пояса два кусочка тонкой проволоки. Замок некоторое время сопротивлялся, упрямо пощелкивая, но в конце концов сдался. Дункан со всеми предосторожностями приоткрыл крышку, почти ожидая, что коробка взорвется.

Этого не случилось. Дункан беззвучно ахнул, увидев, что в коробке на ложе из алого шелка лежит черный кинжал. Судя по виду, он был выточен из цельного камня – глянцевого, отчасти похожего на стекло. Может, это обсидиан? Молодой Страж слышал о таком, вот только ни разу его не видел. Рукоять кинжала была сработана просто великолепно – тончайшие бороздки сходились к навершию, исполненному в виде головы ревущего дракона. Осторожно вынув находку из коробки и поднеся к глазам, Дункан разглядел на черном лезвии тончайшие алые прожилки, паутиной разбегавшиеся по клинку. Он было подумал, что это кровь, но, проведя пальцем по лезвию, убедился, что оно совершенно гладкое – ни засохшего пятнышка, ни зазубринки.

Вот это стоящая добыча! Ценная штука, настолько ценная для Первого Чародея, что он потрудился спрятать ее в собственных апартаментах. Не слишком надежно спрятать, конечно, но разве могло ему прийти в голову, что кто-то посмеет ограбить его в собственной башне?

Посмеиваясь, Дункан сунул кинжал под рубашку. Гладкое лезвие покалывало кожу, но это прикосновение отнюдь не было неприятным, скорее теплым. Восхищение, которое кинжал вызывал у Дункана, стало еще сильнее.

Он закрыл коробку, запер замок и проворно привел в порядок свертки белья. Первому Чародею вовсе незачем знать, что у него что-то пропало. Если повезет, он узнает о пропаже, лишь когда Дункана и Серых Стражей уже след простынет. «Он ведь позвал нас сюда, чтобы нам помочь, – подумал Дункан. – Ну так он просто помог нам чуть больше, чем рассчитывал, только и всего».

Он еще раз огляделся по сторонам – убедиться, не сдвинул ли что-то случайно с места, – затем вышел из комнаты и бесшумно прикрыл за собой дверь. Замок защелкнулся с таким громким лязгом, что Дункан от неожиданности дернулся. Он замер, напряженно вслушиваясь, но вокруг было все так же тихо. Похоже, что на этом этаже нет, кроме него, ни единой живой души. «Болван! Может, хватит уже дергаться от любого пустяка?»

Дункан повернулся, отошел на пару шагов от двери – и лишь тогда обнаружил, что в самом конце коридора кто-то стоит и смотрит прямо на него. Он застыл, сердце гулко ухнуло в пятки. Та самая ученица, что махала ему в зале собраний.

Девчонка наверняка видела, как он выходил из комнаты Первого Чародея. Но почему она стоит на месте и ничего не предпринимает? Может, боится, что Дункан нападет на нее?

Ничего подобного он, конечно, делать не собирался. Если бы только было куда сбежать! Увы, единственный путь к спасению пролегал мимо этой девчонки. Дункан стоял неподвижно и, чувствуя, как ползет по лбу крупная капля пота, ждал, как поступит магичка.

Удивительно, но она радостно засмеялась и побежала ему навстречу:

– Я видела, как ты ушел, и просто не могла не пойти следом!

В паре шагов от Дункана девушка остановилась. Лицо ее раздумянилось, и она беспокойным жестом поправила волосы.

– Я надеялась, что ты помахал мне не просто так, что это было приглашение и ты хочешь...

Она смолкла, многозначительно оборвав себя на полуслове.

Дункан окинул ее прищуренным взглядом, медленно осознавая смысл ее слов:

– Я... ага, ну да. Именно так.

– Меня зовут Вивиан. Просто поверить не могу, что знакомлюсь с самым настоящим Серым Стражем!

«Соображай, дурень, не мешкай!»

– Я... мое имя Дункан. Я... ну да, искал тебя. Мне подумалось...

– Что я могу оказаться здесь, наверху? – Большие глаза девушки загорелись. Она шагнула ближе к Дункану и, приняв соблазнительную позу, провела пальчиком по его руке. – Говорят, все Серые Стражи очень умные. А еще говорят, что они необычайно... выносливы.

– Э-э... ну да. Да, так и есть.

Вивиан просияла от радости:

– Надеюсь, я не слишком тороплю события? Моя кровать в общей спальне, но сейчас почти все в зале собраний. Мы будем одни, во всяком случае какое-то время.

Дункан искоса глянул на девушку, пытаясь понять, шутит она или говорит всерьез. Она явно не шутила. Выжидательный взгляд не оставлял сомнений. Дункану доводилось слышать, что маги в своем замкнутом сообществе ведут себя весьма вольно, однако он не предполагал, что дело зашло настолько далеко. Большинство знакомых ему молодых орлесианок – даже закаленные уличной жизнью бродяжки – жестоко высмеяли бы такую неприличную откровенность.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы такое поведение пришлось не по вкусу самому Дункану. Для магички Вивиан была очень даже привлекательная. И к тому же чистенькая. Одно это было бы внушительным шагом вперед по сравнению с теми несколькими случаями, когда он украдкой тискал девиц в задних комнатах грязной ночлежки, обливаясь потом и чересчур быстро приходя к финалу. Если эта магичка ждет от Серого Стража каких-то грандиозных подвигов по этой части, что ж, ему нужно только как следует постараться, верно?

Дункан одарил девушку самой обаятельной из своих улыбок и с небрежным видом привалился к стене. Именно такую позу он подсмотрел у Келля, и, судя по тому, как магичка вспыхнула до ушей, эта поза произвела на нее именно то впечатление, на которое юноша и рассчитывал.

– Вивиан, – проникновенно проговорил он, – благодаря тебе я теперь точно знаю, что совершил это путешествие не зря.

Сдавленно то ли пискнув, то ли хихикнув, девушка ухватила за кожаные ремни его доспеха и, рывком притянув Дункана к себе, подставила губы для поцелуя. Дункан от неожиданности едва не потерял равновесие, однако сохранил присутствие духа и постарался, чтобы

она не заметила спрятанного под рубашкой кинжала. А потом все прочее вылетело у него из головы.

У губ Вивиан был вкус земляники. Может, это у всех магичек так? Дункан на мгновение вспомнил Фиону и решил, что вряд ли.

И шарить в жилищах магов, выходит, далеко не всегда смертельно опасно.

Глава 4

*Они во мрачных недрах обитали
И, скверну, как поветрие, неся,
Неудержимо множились. Числом
Все возрастая, опускались глубже,
Пока их поиск не достиг успеха,
И обрели они бывшего бога
И погубителя.*

Погребальные Песни, 8:27

Мэрик дрожал от холода – ветер швырял в путников горстями снега. Они шли без остановки почти весь день, пешком углубляясь в горы, которые лежали к северо-востоку от башни магов. Лошадей с собой не взяли – там, куда направлялся отряд, они были ни к чему. Безудержно бушевала метель, завывал меж утесов ветер, а путешественники все брели вперед по обледенелым горным тропам.

Мэрик хорошо помнил эти горы. Если двигаться дальше на север и дойти до самого побережья, то окажешься в окрестностях Западного Холма. У этой крепости Мэрик потерпел самое тяжкое поражение в войне с узурпатором, – поражение, которое едва не обрекло на гибель весь мятеж. Сотни людей, сражавшихся за короля, пали там, и все потому, что он оказался доверчивым дураком. Это был тяжкий и отрезвляющий урок.

Вот уже несколько часов никто из путников не произнес ни слова. Женестьева стремилась наверстать потраченное время, а потому все они только кутались в плащи, прикрывая лица, и молча, насколько хватало сил, переносили неистовство бури. Дороги и мирные деревеньки, укрытые теперь толщей снега, понемногу сменялись каменистыми отрогами, горизонт словно ощерился рядами высоких деревьев и скалистых пиков, которые с виду были совершенно необитаемы.

Бедняга Дункан брел рядом с королем, и вид у него был еще несчастнее прежнего. Мэрик затруднялся определить, к какой нации принадлежит этот паренек, но вполне вероятно, что непригодность к холоду попросту была у него в крови. Будь у него выбор, он явно с радостью остался бы в Твердыне Кинлоха, а это был красноречивый признак, если учесть, как большинство людей относятся к магам.

Женестьева, однако, была исполнена решимости поскорее убрать Дункана из башни магов. Что-то произошло между нею и Дунканом, а что именно – Мэрик не знал. Несколько часов командор Серых Стражей изнывала от нетерпения, пережидая устроенную Первым Чародеем церемонию, и вдруг, оборвав его речь на полуслове, развернулась и решительно устремилась на поиски юного воришки.

По правде говоря, Мэрик до той минуты и не подозревал об отсутствии Дункана. Наконец Женестьева вернулась, ведя за собой паренька. Странное дело, но выражение лица у нее было не столько гневное, сколько пристыженное. Она наотрез отказалась сказать королю, где именно пропал Дункан, только стиснула зубы и отчего-то покраснела. Юноша, бледный как смерть, маячил у нее за спиной, и на лице его было написано только одно желание – заползти под какой-нибудь камень и там сдохнуть.

Стало быть, причиной его страданий была отнюдь не только непогода. С тех самых пор, как они покинули башню, седовласая женщина почти не разговаривала с Дунканом. Если она все-таки обращалась к нему, то всякий раз сверлила его тяжелым недоверчивым взглядом, и

молодой Страж совсем сникал под тяжестью ее неодобрения. Мэрик заступился бы за него, но, насколько ему было понятно, паренек совершил нечто в высшей степени предосудительное.

Сам король, даже несмотря на метель, почти не чувствовал холода. По крайней мере, так было до тех пор, пока они не увидели искомое – громадную плиту из темного гранита высотой в два человеческих роста, вросшую в склон горы и почти прикрытую снежным сугробом. Не зная Мэрик точно, где находится цель их путешествия, они бы запросто прошли мимо. Очертания плиты медленно проступали из снежной заверти. Чем ближе путники подходили, тем громднее казался камень и тем явственнее холодело в груди у Мэрика.

Это был тот самый вход на Глубинные тропы, который он использовал восемь лет назад, пойдя на отчаянный риск, чтобы добраться до Гварена под землей. Тогда Мэрик остался в живых только чудом. Впрочем, для него это был уже не первый случай неожиданного спасения. Даже если бы добрые ферелденцы, которые обожали своего короля, услышали правду из уст самого Мэрика, они не поверили бы, что их героический король принес им свободу не столько благодаря опыту или мудрым решениям, сколько потому, что ему улыбалась удача.

Они попросту заявили бы, что Мэрика хранил сам Создатель и что Ферелден обрел свободу именно по Его милости. Вполне вероятно, так оно и было. И все же в памяти короля неизбежно вставали две женщины, которые вместе с ним спустились в эти мрачные глубины. Одна из этих женщин стала потом его женой и матерью его сына, другая...

Мэрик поморщился. Он не хотел думать о Катриэль.

Именно она, опираясь на свои познания в истории и древних легендах, когда-то впервые привела их в это уединенное место. Когда-то, много веков назад, гномы пользовались этим выходом, однако с тех пор, как гномьи царства рухнули под натиском порождений тьмы, выход с Глубинных троп стал заурядной зияющей дырой, и о его существовании все забыли. Нет, мысленно поправил себя Мэрик – все, кроме Катриэль и таких, как она.

В тот раз они, придя сюда, обнаружили, что громадные створки дверей разрушило время и вход на Глубинные тропы ничто не преграждает. Когда несколько лет спустя Мэрик был с визитом в Орзаммаре, он попросил гномов починить двери и запечатать вход. Логейн опасался, что порождения тьмы могут воспользоваться им, чтобы устроить набег на поверхность, хотя очевидно было, что ничего подобного они не проделывали уже несколько столетий. И все-таки лишняя предосторожность никогда не помешает.

Мэрику никогда и в голову не приходило, что он может когда-нибудь вернуться сюда.

Новый порыв ветра смел со скальных склонов груды снега и со всей силы швырнул ее в лицо путникам. Женевьева, не обратив никакого внимания на эту проказу, решительным шагом направилась к входу. Белый шерстяной плащ неистово хлопал и бился на плечах воительницы, когда она протянула руку к темному камню и провела пальцами по его поверхности. Со стороны это выглядело так, будто она пытается что-то нащупать.

– Что она делает? – шепотом спросил Мэрик у Дункана.

Парнишка пожал плечами, не соизволив даже высунуть нос из мехового воротника.

Наконец Женевьева повернулась спиной к камню и направилась напрямик к Мэрику:

– Ты ведь сможешь открыть эту дверь?

– Гномы дали мне ключ.

Женевьева коротко кивнула:

– Тогда мы станем здесь лагерем до утра.

– Что?! – взорвался от возмущения Дункан. – Почему это нам нельзя войти туда прямо сейчас? Там хотя бы теплее!

Командор обратила на него бесстрастный взгляд, и парнишка мгновенно сник и попятился от нее.

– Мы не знаем, есть ли по ту сторону двери порождения тьмы, – жестко пояснила Женевьева. – То, что король восемь лет назад их там не обнаружил, не означает, что с тех пор ничего не изменилось.

– А ты разве не можешь учуять порождений тьмы? – спросил Мэрик. – Для вас, Стражей, это дело обычное.

– Я пыталась это сделать. Я почуяла... что-то странное, но очень, очень слабо. То ли потому, что порождения тьмы где-то далеко внизу, то ли потому, что дверь слишком толстая.

Не дожидаясь ответа, Женевьева отвернулась и отрывисто приказала одному из стоявших неподалеку рослых воинов:

– Жюльен, скажи остальным, чтобы разошлись в разные стороны и поискали укрытие. Сегодня ночью я хочу сама присматривать за входом.

Вскоре Серые Стражи быстро и сноровисто разбили лагерь за соседним холмом, гребень которого был увенчан внушительной снежной шапкой. Зато он, по крайней мере, прикрывал от порывов ледящего ветра, а это было уже кое-что. Мэрик смотрел, как его спутники трудятся, устанавливая палатки, и чувствовал себя бесполезным трутнем.

Келль собрал горку мерзлого хвороста, и прежде, чем Мэрик успел осведомиться, как он намерен все это поджечь, охотник достал из дорожного мешка небольшую склянку. Он капнул на хворост содержимым – ярко-желтой жидкостью, которая, едва коснувшись дерева, зашипела, – и за считанные секунды хворост полыхнул ярким огнем.

– Впечатляюще, – заметил Мэрик.

Келль ухмыльнулся:

– На порождений тьмы эта штука действует не хуже. Жалко, что ее у нас так мало.

Вскоре сумерки сменились ночью. Со всех сторон к лагерю подступала темнота, разгоняемая только светом костра. Над горами чернело бескрайнее, затянутое тучами небо, и края туч отливали голубоватым светом, хотя сама луна так и не показалась на глаза. Снежная буря, по счастью, утихла, хотя ветер все так же гулял по округе, вспахивая борозды в гладком снежном покрове.

В лагере царило напряженное молчание. Судя по угрюмым лицам Серых Стражей, они с такой же тревогой ожидали наступления утра, как и сам Мэрик. Что ж, по крайней мере, они более или менее представляли, что их может ждать на Глубинных тропах. В прошлый раз, когда Мэрик пришел сюда, он не имел об этом ни малейшего понятия.

Едва поставили палатки, Келль, прихватив с собой пса и Дункана, отправился на охоту. Женевьева поднялась на гребень холма – оттуда было лучше всего наблюдать за входом. Там она и стояла, а ветер неистово раздувал полы ее плаща. «Внушительно», – подумал Мэрик. Женевьева казалась сейчас напряженнее обычного – если такое вообще было возможно. Казалось, она ожидает, что двери входа вот-вот распахнутся настезь.

Мэрик повернулся к Уте, вместе с которой волок в лагерь мерзлую колоду. Ему подумалось, что эта гномка с медно-рыжей косой довольно симпатичная. Гномы, которых он когда-либо встречал, выглядели, как правило, так, словно их вытесали из камня: грубые лица, жесткие черты. А вот лицо Уты казалось почти нежным. Пугающе безмятежная, она неотрывно смотрела в огонь и держалась так удивительно спокойно.

Король не в силах был даже представить, чтобы он мог хранить такое непоколебимое спокойствие. В голове у него и сейчас было тесно от растревоженных мыслей: что, к примеру, делает сейчас Логейн? Мэрик, правда, оставил записку, в которой подробно объяснял свой замысел, но со старого друга вполне стало бы решиться, что это фальшивка. Он наверняка решил, что короля похитили, и, возможно, уже отправил на его поиски целую армию. Если уж Логейн принял какое-то решение, переубедить его было почти невозможно.

А ведь есть еще Кайлан, маленький принц, который наверняка гадает, куда подевался отец... Мэрик поспешил отогнать эту мысль. Нет, спокойным его сейчас никак не назовешь.

Король тронул гномку за плечо и жестом указал на Женевьеву, застывшую на своем посту.

– Она всегда такая? – спросил он вполголоса. – Не знаешь?

Ута одарила его непроницаемым взглядом, и карие глаза ее блеснули в свете огня. Затем ее руки зашевелились, изображая какие-то странные знаки, и Мэрик запоздало вспомнил, что она не может говорить.

Два воина, которые сидели по ту сторону костра, перестали шептаться, увидев смятение Мэрика. Белокурый Николас, более разговорчивый из этих двоих, подался к Мэрику:

– Ута говорит тебе, что нашим командором движет любовь.

Орлесианский акцент, явственно звучащий в его речи, показался Мэрику утонченным и приятным для слуха.

– Любовь? Ты имеешь в виду любовь к брату?

Николас кивнул:

– Они были очень близки.

– Ты не мог бы рассказать мне о нем? Я про него почти ничего не знаю. Как вышло, что он попал в плен? Как вы вообще можете быть уверены, что он еще жив?

Темноволосый Жюльен взял длинную палку и поворошил ею поленья. Брызнули искры, Николас оглянулся на друга, и они обменялись быстрыми настороженными взглядами. С тех пор как они покинули Денерим, Мэрик слышал от Жюльена от силы два-три слова. Зато взгляд его темных глаз был на редкость красноречив. Сейчас этот взгляд откровенно советовал Николасу не говорить Мэрику больше, чем тому следует знать. Опять эти знаменитые тайны Серых Стражей.

Ута нахмурилась, подняла руку и, обращаясь к мужчинам, возбужденно зажестикულიровала. Николас в ответ насупился и неохотно кивнул. Жюльен ничего не сказал, и только глаза его обеспокоенно потемнели.

– Что она сказала?

– Сказала, что мы не имеем права что-то от тебя скрывать, – пробормотал Николас.

Гномка продолжала жестикулировать, глядя на Мэрика. То и дело она останавливалась, терпеливо дожидаясь, пока Николас переведет ее «речь».

– Брата командора зовут Бреган, и еще год назад он был командором Стражей в Орлее, главой отделения ордена в империи. Он занимал этот пост довольно долго.

– Он ушел в отставку?

– Нет. Он покинул орден, чтобы исполнить Призыв. Это ритуал, в котором Серый Страж выходит на Глубинные тропы в одиночку.

– В одиночку?! – воскликнул Мэрик. – Это еще зачем?

– Чтобы умереть, – вздохнула Ута. – Уж лучше так, чем позволить скверне пожрать нашу стареющую плоть. Всякий Серый Страж знает, когда для него наступает срок, и все, кто, следуя Призыву, выходят в одиночку на Глубинные тропы, погибают. По крайней мере, так было до сих пор.

Мэрик помолчал, обдумывая услышанное. Дункан уже рассказывал ему, как Серые Стражи во время ритуала, который они называют Посвящением, пьют кровь порождений тьмы, принимая в себя скверну, чтобы действеннее бороться с этими тварями. Они не просто умеют драться с порождениями тьмы, но знают их как самих себя. Они чувствуют их присутствие, порой даже распознают их намерения. Не многим за пределами ордена доступны эти сведения, и Женевьева лишь с большой неохотой разрешила Дункану поделиться ими с королем.

Интересно, подумал Мэрик, та ли это скверна, которую они восемь лет назад видели на Глубинных тропях. Он хорошо помнил черные наросты, покрывавшие все в подземных коридорах, словно колонии омерзительных грибов. Королю тогда повезло – он не подхватил заразу, однако всегда гадал, не это ли произошло с Роуэн. Ни один врач так и не сумел определить

природу ее болезни, и, хотя Мэрик испробовал все, чтобы помочь жене, ему в итоге пришлось бессильно смотреть, как Роуэн угасает на глазах.

Это было мучительное зрелище. Она всегда была крепкой, энергичной женщиной, и особенно угнетало то, как медленно, по капле, вытекают из нее силы. Под конец Роуэн стала похожа на тень и мечтала только об одном: чтобы боль наконец прекратилась. Мэрик держал в руках ее исхудавшие пальцы, и сердце его разрывалось, когда хриплый безжизненный голос молил покончить с этими мучениями.

Нет, пожалуй, не так уж сложно понять, почему Серые Стражи предпочитают пройти Призыв.

Но сама мысль о том, чтобы пойти на такую жертву – добровольно предать себя скверне, медленно разъедающей плоть, и все только для того, чтобы сражаться с опасностью, которая не грозит Тедасу вот уже несколько веков, с тех пор как закончился последний Мор...

Впрочем, ведь именно это и привело их сюда. Если порождения тьмы сумеют вызнать тайну пленного Стража, если они отыщут Древнего Бога... Вот тогда-то эта опасность станет пугающе реальной, если, конечно, Женестьева и все остальные говорят ему правду.

Мэрику снова вспомнилось предостережение ведьмы, но одновременно всплыли в памяти слова Логейна. Легко поверить, что ведьма имела в виду именно это событие, что именно оно, судя по ее предсказанию, может привести к Морю. Но что, если она намекала совсем на другое? Что, если она попросту лгала? Сомнения подступали к Мэрику со всех сторон, и оттого ему стало не по себе.

– Откуда вам известно, что ее брат вообще жив? – вслух спросил он. – Если он ушел на Глубинные тропы, вы никак не можете знать, что с ним там случилось. Или Серые Стражи могут почуять и это?

Жюльен упорно смотрел в огонь, неодобрительно стиснув зубы. Николас, сплетая и расплетая пальцы, опасливо покосился на Женестьеву, все так же стоявшую на гребне холма. Скрестив руки на груди и напрочь забыв о существовании своих спутников, она пристально смотрела на вход в пещеру, и глаза ее пылали железной решимостью. Да, Мэрик прекрасно понимал, почему его собеседники опасаются разгневать седовласую женщину-командора. Невозможно определить, способна ли она, стоя на гребне холма, расслышать их разговор, но Мэрик не сомневался, что от нее можно ожидать всякого. Остальные, судя по всему, придерживались того же мнения.

– Командор и ее брат были очень близки, – прошептал Николас. Ута серьезно кивнула, подтверждая его слова. – За все то время, что я знал их обоих, они крайне редко разлучались. Они вместе вступили в орден, вместе проходили обучение, вместе проводили почти все дни с утра до вечера. Думаю, она пошла бы за братом и на Глубинные тропы, если бы и для нее настало время Призыва. А если бы и не настало, – наверное, все равно пошла бы, разве только обязанности удержали бы ее здесь.

– Стало быть, она тешит себя иллюзиями?

– Нет, она знает, что делает. Она видела сны.

Мэрик помедлил, не вполне уверенный, что правильно расслышал собеседника.

– Сны, – повторил он, стараясь, чтобы голос не выдал его эмоций. Николас кивнул, и гномка последовала его примеру. Жюльен, нахмурясь, огорченно покачал головой. – Сны. Вы хоть понимаете, что это похоже на бред безумца?

– Мы не безумцы. – Из снежной заверти вынырнула Фиона. Ветер раздувал полы ее синей юбки. С большим свертком в руках она подошла к костру, положила ношу рядом с колодой и одарила Мэрика ледяным мрачным взглядом. – И Женестьева тоже не безумна. Сны далеко не всегда просто сны.

– И что же они такое, если не просто сны?

Фиона задумчиво потыкала пальцем в подбородок, вероятно размышляя, как бы пододчивее это объяснить. Или же прикидывая, стоит ли вообще это делать. В ее темных глазах по-прежнему тлел затаенный гневный огонек – как в тот раз, когда Мэрик разговаривал с ней на пристани в башне.

– Ты, надеюсь, слышал, что такое Тень?

Мэрик кивнул, хотя и не слишком уверенно. Тенью называлось царство сновидений. Говорили, что именно туда попадают люди, когда видят сны. В Тени рыскали духи и демоны, отделенные от мира плоти некоей преградой, которую маги называли Завесой. Мэрику не особо верилось в подлинность этих представлений. Он, как и все люди, спал и видел сны, и если маги утверждают, что эти сны на самом деле воспоминания о том, как он побывал в Тени... что ж, приходилось верить им на слово.

– В Тени нет такого понятия, как география, – продолжала Фиона. – Пространство и время там имеют куда меньшее значение, нежели идеи и символы. Духи преображают свое царство таким образом, чтобы оно походило на картины, увиденные ими в снах смертных, – считают, что наш мир именно так и выглядит, а они всем существом жаждут стать его частью. Потому они, завлекая нас в Тень, воссоздают пейзаж, который не столько существует в реальности, сколько опирается на наши чувства и восприятие.

– И что с того? – Мэрик беспомощно развел руками. – Для меня это ровным счетом ничего не значит.

– Ты видишь во сне тех, кто тебе дорог, поскольку между вами существует связь. Духи чувствуют ее. Эта связь обладает силой в Тени.

– Мне как-то снилось, что Логейн принес мне бочонок с сыром. Я вскрыл его, и там оказались мыши. Сделанные из сыра. И мы ели этих мышей, распевая дуэтом матросские песенки. Так, по-твоему, у этого сна было иное, более глубокое значение? – Он ухмыльнулся, вдруг развеселившись при виде того, как гневно раздулись ноздри эльфийки. – Может, связь между мной и Логейном поведала мне, что он на самом деле всей душой обожает сыр? Жаль, я не сообразил этого раньше.

– Неужели ты всегда видишь во сне такую легкомысленную чушь?

– Понятия не имею. Чаще всего я просто забываю, что мне снилось. Разве не так обычно бывает?

Фиона теснее запахнула меховой плащ, словно таким образом могла усмирить распирающий ее гнев. Гномка успокаивающе коснулась рукой ее колена, но эта безмолвная просьба осталась незамеченной.

– Сны, которые не являются просто снами, – это видения, – отрывисто проговорила Фиона. – Поскольку Тень – это отражение нашей реальности, какой ее видят духи, ее можно использовать для истолкования этой самой реальности. Мы, маги, ищем видений. Мы выискиваем в них черты реальности и пытаемся прозреть истину за пределами нашего сознания. Однако более или менее сильное видение может посетить кого угодно. И когда это случается, нельзя не обращать на него внимания.

– Видения, – скептически повторил Мэрик. – Значит, вашего командора посещали эти самые видения? И поэтому вы здесь? Только поэтому?

Магичка вскинула хрупкую ладонь, и над ней вспыхнул, пульсируя, крохотный шарик огня. Он медленно вращался, источая ослепительный свет, который мгновенно озарил весь лагерь. Мэрик ощутил, как его лица коснулась волна жара.

– Видения, ваше величество, безусловно, куда менее примечательны, чем многие, очень многие чудеса, которые существуют в этом мире.

Фиона качнула ладонью, и огненный шарик исчез. И пламя костра вдруг показалось Мэрику уже не таким ярким и жарким.

Она права. Та ведьма из Диких земель тоже маг, но значит ли это, что он должен безоговорочно довериться магии? И видениям? В этом король не был уверен.

Фиона уселась на свой мешок, все так же, в упор и с неприкрытым осуждением, глядя на Мэрика. Он притворился, что поглощен чрезвычайно важным делом – растирал озябшие руки, упорно глядя в огонь. У костра воцарилась неловкая тишина, и никто, похоже, не спешил ее нарушить. Ута смотрела на магичку с явным сочувствием, но почему – Мэрик понятия не имел. Жюльен и Николас снова принялись перешептываться. При этом Жюльен поглядывал то на Мэрика, то на Фиону, – очевидно, разговор шел именно о них; но что говорил Николас своему другу – разобрать было невозможно.

– Мы верим Женевьеве, – сказала вдруг Фиона. Услышав ее голос, Жюльен и Николас вздрогнули и удивленно уставились на нее. Мэрик не поднял глаз, хотя чувствовал, что взгляд эльфийки вот-вот просверлит его насквозь. – Мы ей верим, – повторила Фиона, – и поэтому мы здесь. Что бы мне действительно хотелось узнать – почему здесь ты?

Вопрос повис в воздухе.

– Разве я вам не нужен? – наконец отозвался Мэрик, уже начиная раздражаться. – Разве не вы явились к моему двору именно затем, чтобы попросить о помощи? Было бы, конечно, весьма любезно с вашей стороны сообщить при этом, что весь ваш замысел основан исключительно на видениях, явившихся одной из вас. Что же, в следующий раз буду задавать побольше вопросов.

– Это она просила тебя о помощи. – Эльфийка указала на Женевьеву. – Я знаю, почему она обратилась именно к тебе. Я знаю, какую именно помощь она надеется от тебя получить. Возможно, ты даже поверил тому, что она говорила. Но вот чего я совершенно точно не знаю – это почему ты решил пойти с нами.

– Защитить свое королевство – это недостаточная причина?

– Чтобы отправляться самому? Чтобы с такой готовностью двинуться навстречу опасности?

– Но ведь вам нужен был либо я, либо Логейн.

Фиона со скептическим видом поджала губы:

– Ты мог приказать ему пойти с нами.

– Не уверен, что он подчинился бы.

– Я готова биться об заклад, что он, независимо от твоих желаний, сам вызвался пойти вместо тебя.

– Как проникательно!

Фиона помолчала, не сводя с Мэрика прищуренных глаз. Мэрик кожей чувствовал напряжение, нависшее над костром. Жюльен и Николас замерли, прислушиваясь к разговору, гномка невозмутимо смотрела на костер. На миг Мэрику показалось, что эльфийка прекратит свои расспросы, но не тут-то было.

– У тебя ведь маленький сын? – осведомилась она.

– Да. Кайлан. Ему пять лет.

– И матери у него нет, верно? Возможно, то, что мы слышали в Орлее, ошибочно, но, как я поняла, королева Ферелдена умерла.

Мэрик с минуту молчал, отметив про себя, что никто из остальных Серых Стражей не вмешался в разговор и не предложил сменить тему. Возможно, они тоже задавали себе этот же вопрос. Мысль о ребенке разбредила рану, нывшую в душе короля. Словно трус, он предоставил Логейну рассказать мальчику, что его отец ушел. Кайлан этого никогда не поймет. Вначале исчезла мать, а теперь – отец?

– Все верно, – негромко подтвердил он. – Она умерла.

Фиона возмущенно поджала губы:

– И тебе не стыдно оттого, что оставил мальчика еще и без отца?

От прихлынувшего горя у Мэрика перехватило горло, но он изо всех сил постарался скрыть это чувство. Он скорее воткнул бы себе вилку в глаз, чем допустил, чтобы эта женщина с темными злыми глазами ликовала при виде боли, которую сама же в нем и пробудила.

– Он и так давно уже остался без отца, – ответил он, и даже ему самому собственный голос почудился неживым и тусклым. – Остаюсь я в Денериме, это ничего не изменило бы.

– То есть ты сдаешься? И это – Мэрик Спаситель, великий король Ферелдена?!

Мэрика захлестнул гнев. Он думал, что предотвратит пророчество ведьмы, что будет действовать, а не сидеть и ждать, сбудется оно или нет. Он думал, что ее предостережение для того, быть может, и прозвучало, чтобы он оказался здесь, но такого не ожидал. Чтобы его унижала и судила вот эта дерзкая магичка – это уж чересчур. Мэрик вскочил с колоды, рывком развернулся к эльфийке. Она ответила дерзким, бесцеремонным взглядом, как будто имела полное право его выпрашивать, и это лишь подлило масла в огонь.

– Мэрик Спаситель, – проговорил он отрывисто, словно сплевывая слова. – Тебе известно, что меня так называют, и ты уже решила, что знаешь обо мне все? Знаешь, какие чувства я должен испытывать? Хочешь рассказать мне, какой я отвратительный отец и каким должен быть королем?

Лицо Фионы смягчилось – но только на миг.

– Тогда, ваше величество, может быть, расскажете мне, какой вы на самом деле отец? – предложила она.

Мэрик развернулся спиной к костру. Порыв ледяного ветра ударил ему в лицо, вынудив остановиться. Король закрыл глаза, чувствуя, как морозит кожу холодный воздух. Оглушительный стук сердца понемногу стих, сменился уже знакомым безмолвием. Это напомнило Мэрику о тех вечерах, когда жизнь во дворце затихала и он удалялся в свои покои – лишь затем, чтобы там его обступила тоскливая пустота, грозившая поглотить его целиком. Сколько дней он прожил так – в окружении роскоши, слуг, всего, чему пристало окружать монарха, – однако все это не волновало его.

Какими словами сумел бы он объяснить это чужим людям?

– Истина, – пробормотал Мэрик воющему ветру, не заботясь о том, услышат ли его те, кто остался в лагере, – истина в том, что я не был отцом собственному сыну с тех самых пор, когда умерла его мать. Всякий раз, когда я смотрю на него, я вспоминаю ее лицо, думаю обо всем, что могло быть у нас и чего уже никогда не будет. Кайлан такого не заслужил. Он достоин отца, который сможет смотреть ему в глаза.

Стылый ветер вновь хлестнул Мэрика по лицу, и он смолк, не в силах больше шевелить окоченевшими губами. И это было хорошо. Потом кто-то осторожно коснулся его локтя, и Мэрик, не ожидавший этого прикосновения, вздрогнул. Он открыл глаза, повернулся и увидел, что рядом с ним стоит Ута. Взгляд ее был исполнен сочувствия.

– «Мэрик Спаситель» – это всего лишь слова, – сказал он, обращаясь к магичке. Она все так же сидела у костра и даже не смотрела в его сторону. – Меня прозвали так, поскольку считается, что я спас Ферелден. Правда, однако, в том, что мне никогда и никого не удавалось спасти.

С этими словами он повернулся и пошел прочь от костра, навстречу крутящемуся в темноте снегу. Гномка не стала его удерживать, и, если все остальные и смотрели вслед, никто из них не сказал ни слова. Ему было уже наплевать, устроило ли эльфийку то, как он отвечал на ее вопросы. Пусть себе презирает его. В конце концов, ее обвинения не так уж и беспочвенны.

Мэрик брел по укрытым глубокими тенями сугробам. Наконец-то выглянула из-за туч луна, и ее серебристого сияния, отражавшегося от холодной глади снежного полога, было более чем достаточно, чтобы освещать ему дорогу. Король поднялся на гребень скалистого холма, глянул перед собой – и у него захватило дух. Отсюда как на ладони была видна вся долина – бескрайняя белизна под усыпанным холодными звездами небом.

Это было великолепное зрелище. Мэрик не знал, как долго простоял вот так, любуясь заснеженным простором. Дыхание облачками пара срывалось с его губ. Казалось, что эта долина протянулась до самого края земли, и ее безупречную гладкость нарушали лишь редкие сосновые рощицы. Отчего же он никак не может вспомнить, когда в последний раз любовался такой красотой?

«Это мое королевство, – печально подумал Мэрик, – а я его теперь совсем не знаю».

Сзади донесся едва различимый хруст снега.

– Оставьте меня в покое, – не оборачиваясь, пробормотал он. – Неужели вам мало было тех расспросов?

– Мэрик, я прошу прощения, если мои Стражи оказались излишне бесцеремонны.

Это была Женевьева. Король поежился от холода и лишь сейчас сообразил, что она, пойдя вслед за ним, бросила свой пост. Быть может, решила закончить то, что начали ее подчиненные?

– Не подобает так обращаться с королем. Я напомню им о хороших манерах.

– Не нужно, – вздохнул Мэрик. И, плотнее запахнув меховой плащ, отвернулся от великолепия долины. Командор стояла в паре шагов от него, и ветер развевал ее белоснежно-седые волосы. Мэрик внутренне поежился под ее жестким оценивающим взглядом. – Я сам сказал, чтобы вы обращались со мной как с обычным человеком, – что же удивительного в том, что вы так и поступаете?

Женевьева ничего не ответила, хотя, судя по выражению лица, ее заботили не только неприятные минуты, пережитые Мэриком. Наконец она коротко кивнула, как если бы мысленно пришла к какому-то решению:

– Возможно, Мэрик, было бы лучше, если бы ты вернулся во дворец. К сожалению, мы не сможем сопроводить тебя туда, однако я подозреваю, что и один ты будешь в большей безопасности, чем с нами на Глубинных тропах.

– Ты передумала?

Женщина-командор выразительно изогнула седую бровь:

– А ты разве не передумал?

Мэрик не знал, что на это ответить, и затянувшееся молчание стало неловким.

– Я не виню тебя за недоверие к моим видениям, – наконец проговорила Женевьева – так мягко, что Мэрик испытал сильный соблазн ей поверить. – Им верят даже не все Стражи. Многие говорили, что мой брат мертв, а если это и не так, все равно уже ничего не поделаешь.

Она пожала плечами, подошла к Мэрику и, остановившись рядом, окинула взглядом ту самую долину, которой он восхищался несколько минут назад. Выражение ее глаз смягчилось.

– Мне нелегко было отпустить брата, когда для него наступило время Призыва. Потому, наверное, нелегко, что за много лет мы привыкли считать, будто это случится с нами одновременно. Я отправилась с братом в Орзаммар, вместе с гномами поднимала кубки в его честь, а когда все было кончено, стояла у самой печати и смотрела, как он уходит в темноту. – В голосе Женевьевы явственно звучала горечь. – Мой брат всегда был частью меня самой – все равно что моя собственная рука или нога. Оторвать его от себя, расстаться с ним было невыносимо. – Женщина искоса глянула на Мэрика. Глаза ее ярко и холодно блеснули. – Однако именно я уговорила его принять свою судьбу. Я осталась. Когда случилось первое видение, это было как если бы он сам протянул руку сквозь тьму и коснулся моего сердца. Я чувствовала его так же верно, как чувствую свои руки и ноги. Я знаю, что это видение не было ложью.

Мэрик нахмурился. Новый порыв ледяного ветра просвистел между ними. Где-то далеко завывали волки, и этот одинокий звук, казалось, лишь явственнее подчеркивал безжизненную пустоту окружения.

– Почему же ты раньше ничего об этом не сказала?

Женевьева невесело рассмеялась:

– И что бы ты обо всем этом подумал? – Она в упор глянула на Мэрика, и голос ее посерьезнел. – Я намерена отыскать брата, чтобы порождения тьмы не узнали того, что они узнать не должны. Если для того, чтобы предотвратить это, мне придется убить брата – я это сделаю. Мэрик, это вовсе не спасательная экспедиция. Я не спешу сломя голову на помощь брату – я всего лишь пытаюсь предотвратить катастрофу. – Она пожала плечами и, окинув взглядом долину, вздохнула: – И если есть те, кто не верит в это так, как верю я, – что ж, мне придется обойтись без них. Мне нужна твоя помощь, Мэрик, очень нужна. Однако, если ты не можешь повести нас на Глубинные тропы, лучше уходи, возвращайся к своему сыну. Никто не станет тебя за это винить, и меньше всего – я.

С этими словами командор Серых Стражей круто развернулась и пошла прочь. Именно так – ни уговоров, ни прощаний. Мгновение спустя она скрылась в снежной заверти, и Мэрик понял, что никто ему и слова не скажет, если он соберет вещи и вернется в Твердыню Кинлоха. Через пару дней он будет в Денериме, отменит тревогу, которую наверняка уже объявил Логейн, и, как посоветовала Женевьева, вернется к сыну.

При мысли о Кайлане Мэрик замер. Все твердили, что мальчик как две капли воды похож на отца, и сам Мэрик был, пожалуй, с этим согласен. Те же светлые волосы, та же форма носа, та же улыбка. Вот только глаза... глаза матери. Что скажет он, Мэрик, глядя в эти глаза, что ответит на их вопрошающий взгляд, как объяснит, почему и куда он уходил?

Легко представить, что скажет обо всем этом Логейн. Он, конечно же, обрадуется, но будет прятать свою радость за ворчанием по поводу тех хлопот, которые причинил Мэрик всем окружающим.

Куда труднее было вообразить, что сказала бы обо всем этом Роуэн. Мэрик помнил ее в лучшие годы – воином, женщиной, которая помогла ему возглавить мятеж и вернуть отнятое орлесианцами королевство. До тех пор пока болезнь не взяла над ней верх, она обладала неукротимым духом, и Мэрик втайне считал, что во многих отношениях Роуэн сильнее его. Ферелден они возрождали вместе, но всегда именно она сразу понимала, какое дело стоит продолжить, а какое – бросить, едва начав.

Мэрик попытался представить, что Роуэн уговаривала бы его вернуться к сыну. Для нее, матери, Кайлан, конечно же, был бы важнее любых других обстоятельств. Проблема в том, что Мэрик никак не мог в это поверить. Он мысленно видел Роуэн, сидящую в их покоях в своем любимом кресле у окна, видел бледное лицо, окаймленное волнами каштановых кудрей. Она отложила бы книгу и озадаченно взглянула бы на него.

– Ты вернулся, – не вопросительно, а утвердительно проговорила бы она.

– Да, я вернулся.

– Но разве ты не считал, что это важно?

– Роуэн, наш сын важнее, чем спасение королевства.

И тогда она улыбнулась бы лукаво, склонив голову к плечу знакомым жестом, который намекал Мэрику, что она ждала от него большего.

– Дурачок, я же говорила не о спасении королевства...

Голос ее был бы полон нежности, той самой нежности, которая возникла и окрепла за годы их брака, и все же Мэрику всегда казалось, что он не вполне ее достоин. Потом Роуэн, не вставая, протянула бы руку, и Мэрик шагнул бы к ней и...

...И видение исчезло, остались лишь лунный свет да с новой силой разгулявшаяся метель. Сердце короля разрывалось от боли. Ему казалось, что минула целая вечность с тех пор, как он был еще способен вспомнить лицо Роуэн. В последние годы все эти воспоминания мучительно ускользали, и их заменяли мимолетные ощущения, запахи, обрывки разговоров. Зато сейчас Роуэн была настолько живая...

Почти как видение.

Мэрик усмехнулся нелепости этой мысли, тем более что он даже не спал. Разве что на самом деле он и впрямь уснул, забрел далеко от лагеря и рухнул в глубокий сугроб, а теперь замерзает до смерти, погрузившись в блаженную сладость сновидения. С утра Серые Стражи, возможно, станут его искать, потом переглянутся, пожмут плечами и решат, что он, ни с кем не попрощавшись, вернулся в Денерим. Потом они уйдут на Глубинные тропы, а по весне какие-нибудь путники обнаружат увязшие в грязи останки Мэрика и, может быть, заодно стянут с него сапоги.

Занятная идея. Вопрос в том, насколько она вероятна.

Мэрик тяжело вздохнул и побрел к лагерю.

Глава 5

В отчаянье во тьме они сокрылись.

Погребальные Песни, 8:27

Когда начало светать и небо над самой линией горизонта едва тронули золотисто-розовые блики, Серые Стражи с оружием в руках собрались у входа на Глубинные тропы. Дункан внутренне напрягся – король Мэрик двинулся к двери. Самым обыденным жестом он достал каменный медальон, выточенный в виде восьмигранника, и вставил его в такой же формы углубление в самом центре двери. Тишину нарушил оглушительный скрежет, и поблизости испуганно вспорхнула стайка воронов.

Дункан неотрывно смотрел, как посередине двери возникает тонкая линия. Она превратилась в трещину, затем стала еще шире – и створки двери разомкнулись. Король с опаской отступил назад. Медленно, с надрывным каменным скрежетом дверь открылась, и за ней обнаружился туннель. Из черноты едва уловимо потянуло вонью разложения.

Серые Стражи ждали. Дункан был почти готов к тому, что из туннеля на них вот-вот хлынет орда чудовищ, но никого там не было. Только тишина.

Кое-кто из Стражей уже собрался войти, но остановился, услышав голос Жюльена.

– Погодите, – негромко сказал темноволосый воин.

Скрестив руки на груди, он молитвенно склонил голову, и почти все Стражи последовали его примеру. Дункан опустил голову и закашлялся. Молитвы всегда выводили его из равновесия.

– Пусть впереди меня только тьма, – напевно заговорил Жюльен, – но Создатель направит меня. Мне не суждено скитаться по неверным дорогам Загробного мира, ибо там, где Свет Создателя, нет тьмы, и ничто сотворенное Им не будет утеряно.

– Аминь, – прошептал Мэрик, и все остальные кивнули.

А потом они вошли на Глубинные тропы.

Почти сразу за входом начинались широкие ступени, и, когда Стражи двинулись вниз, Дункан едва подавил дрожь. Здесь было теплее, чем снаружи, что его безмерно радовало, но стылый холод сменился недобрым предчувствием, тревогой, от которой невозможно было отмахнуться. Юноше казалось, что он медленно входит в озеро омерзительной грязи и вонь постепенно заползает в ноздри, выворачивает тошнотой желудок, так что лишь силой воли принуждаешь себя сделать следующий шаг.

То же самое чувствовали и другие Серые Стражи. Дункан видел это по их мрачным, окаменевшим лицам, по тому, как руки крепче стиснули оружие. Все они обладали способностью чутко порождений тьмы, но сейчас Дункану казалось невыносимым, чтобы в этом гнилостном дыхании вездесущей скверны им удалось различить отдельных тварей.

Один только Мэрик не мог ничего учуять, однако спуск в темноту, похоже, воздействовал на него сильнее, чем на всех остальных. Он с опаской поглядывал туда, где гуще всего лежали тени, и лицо его в свете факелов стало пепельно-бледным. Дункана так и подмывало спросить у короля, что же такое произошло с ним восемь лет назад на Глубинных тропах, но в конце концов он решил, что делать этого не стоит. И так ясно, что ничего хорошего.

Путь по лестнице продолжался, казалось, уже несколько часов, когда на каменных стенах стали заметны первые следы скверны – тончайшие, словно паутина, нити черной гнили и глянцевитая слизь, покрывавшая все вокруг, точно масляная пленка. Дункан из любопытства

потрогал ее – и обнаружил, что эта пленка на самом деле вовсе не влажная. На ощупь она оказалась сухой и гладкой, точно змеиная кожа.

Женевьева с сердитым видом схватила его руку и отдернула прочь. И предостерегла, чтобы больше ни до чего не смел дотрагиваться. Это слегка смутило Дункана. Вроде бы все они устойчивы к скверне порождений тьмы? Это же одна из тех немногих привилегий, которыми пользуются Серые Стражи.

– Раньше этого не было, – заметил Мэрик, внимательнее оглядывая стены. – Когда мы шли здесь в прошлый раз, не встречали подобного до самого тейга Орган.

– Значит, скверна распозлзлась, – уверенно заключила Женевьева.

Келль окинул туннель внимательным взглядом. Дункан знал, что охотник чует порождение тьмы значительно острее, чем все остальные. Для него спускаться по этой лестнице было все равно что окунаться с головой в сточную канаву, однако до сих пор Келль виду не подал, что ему что-то досажает.

– Скверна так близко от поверхности? – пробормотал он. – Что бы это значило?

– Что мы должны быть начеку.

С этими словами Женевьева выдернула из ножен меч и двинулась дальше. Все прочие беспокойно переглянулись, но последовали за ней.

Кажется, миновала целая вечность, прежде чем они дошли до конца лестницы. Тонны земли и камня, нависавшие над головой, гнетущая тьма, которая подступала со всех сторон, вызывали у Дункана удушье. Ему чудилось, что он с головой ушел в омерзительно вонючую жижу и напрягает все силы, пытаясь вырваться на поверхность.

Фиона, шедшая рядом, озабоченно посмотрела на молодого Стража.

– Тебе дурно? – прошептала она. – Вид у тебя неважный.

Дункан несколько раз судорожно сглотнул и вынудил себя сделать глубокий вдох. Приятного в этом оказалось мало.

– Кажется, меня сейчас стошнит.

– Надо же, как мило!

– Я не шучу! Неужели ты ничего не чувствуешь?

– Мы все чувствуем то же самое. Точнее, почти все.

В голосе Фионы промелькнула нотка неприязни, и Дункан сообразил, что она имеет в виду Мэрика. Тот шел впереди, рядом с Утой, явно не подозревая о том, какой убийственный взгляд сверлит ему спину.

Дункан ухмыльнулся:

– Я слышал, у вас с его величеством прошлой ночью в лагере вышла небольшая перепалка.

– Я его кое о чем спросила, только и всего.

– Женевьева, похоже, так не считала, – хихикнул он. – Приятно знать, что в кои-то веки она для разнообразия злилась не на меня.

Фиона раздраженно вздохнула. Подняв посох, она закрыла глаза и беззвучно прошептала несколько слов. Дункан ощутил, как струя магической энергии всколыхнула воздух, и тотчас же шарик в навершии посоха засиял. Яркий и теплый свет хлынул во все стороны, немного разгоняя темноту.

Спутники обернулись, с любопытством глядя на магичку.

– Не растрачивай силы, – бросила Женевьева, однако в голосе ее не хватало всегдашней категоричности. Наверное, даже она вздохнула с облегчением, когда тьма отступила.

– Ну вот. – Фиона улыбнулась Дункану, явно довольная собой. – Так легче?

– Ясное дело, что легче, вот только свет слепит глаза.

– А вот это уже ребячество.

Теперь Дункан различил на стенах туннеля, под слоем черной гнили и слизи, какие-то рисунки. Руны, подумал он, гномьи руны, правда, ему нипочем не разобрать, что они означают. Дункан как-то слышал, что гномы поклоняются камню. Быть может, эти знаки, которые они начертали на стенах Глубинных троп, – это слова молитвы? Молитвы, которая ныне осквернена... что ж, некая логика в этом есть.

Теперь Дункан отчетливо чувствовал порождения тьмы. Женевьева оказалась права. Им просто понадобилось какое-то время, чтобы освоиться. Невидимые в темноте, твари рыскали где-то на самом краю его сознания. Все равно как если бы кто-то маячил у тебя за спиной – его не видно и не слышно, ты просто знаешь, что он там.

Интересно, порождения тьмы тоже могут учуять Серых Стражей? Судя по словам Первого Чародея, ониксовые броши должны укрыть их, но как раз в этом Дункан не был уверен. Его брошь была приколотая к кожаной куртке, и юноша повернул ее, чтобы подробнее рассмотреть при свете. В черной глубине броши колыхались, перетекая друг в друга, какие-то радужные пятна. На ощупь она была ледяная – точь-в-точь фонарь, заиндевевший на ледяном ветру. Дункан выпустил брошь и принялся рассеянно растирать онемевшие от холода пальцы.

– И что, Женевьева заставила тебя извиниться? – спросил он вслух.

Фиона одарила его озадаченным взглядом. Мысли ее явно были заняты чем-то другим, однако, сообразив, что он имеет в виду короля, магичка раздраженно закатила глаза. Дункану подумалось, что для эльфа глаза у нее очень даже хороши. У большинства ее соплеменников, которых он знал, были странные глаза – светло-зеленые или лиловые, невероятных оттенков и оттого, наверное, совсем чужие, нечеловеческие. У Фионы глаза были темные, выразительные. Проникновенные, как сказала бы мать Дункана. Она хорошо умела подбирать слова.

– Нет, не заставила, – отрывисто проговорила магичка. – И я не испытываю ни малейшей потребности извиняться.

– Он, между прочим, неплохой парень.

– Тебе-то почему знать? Ты с ним знаком ничуть не больше, чем я.

– Это все эльфийский характер, да? Я в Вал Руайо знал многих эльфов, и все они так и норовили с кем-нибудь поцапаться. Даже те, кто вырос не в эльфинаже.

Фиона окинула его скептическим взглядом:

– Знаешь, у нас нет особых причин любить людей.

– Ясное дело, знаю. Мы, гнусные людишки, разорили Долю. Один мой знакомый эльф воображал себя долиийцем, даже лицо разрисовал, чтобы быть похожим на них. Я уж думал, что он в конце концов сбежал в леса на поиски какого-нибудь там долийского клана, но потом оказалось, что его попросту загребла стража. Как бы то ни было, он все время только и говорил что о Долах.

Фиона резко остановилась и с такой силой стукнула посохом по каменному полу, что сияющий шарик в навершии на миг вспыхнул еще ярче. И слепому было бы видно, как разозлились ее слова Дункана.

– Дело не только в этом! Не только! Ты что, и вправду ничего не знаешь?

– Чего я не знаю? Что твоих сородичей сделали рабами? Это всем известно.

– Когда-то... – глаза Фионы яростно сверкнули, – когда-то эльфы жили вечно. Ты и это знал? Мы говорили на своем языке, возводили по всему Тедасу величественные строения, у нас была своя страна – причем задолго до того, как появились Долю.

– А потом вас сделали рабами.

– Да, магистры империи Тевинтер. Это было лишь одно из множества их преступлений, и притом не самое страшное. – Фиона отвернулась от Дункана, провела тонкой рукой над слоем скверны, покрывавшей стену туннеля. – Они отняли у нас все прекрасное. Они даже вынудили нас позабыть, какими мы были раньше. До того как пророчица Андрасте освободила нас, мы даже и не подозревали, чего лишились.

- Но Андрасте ведь была человеком, верно? Так что люди не такие уж плохие.
- Собственные сородичи сожгли ее на костре.
- Я имел в виду всех остальных.

Фиона оглянулась на него, бодро улыбнулась, хотя в глазах ее стыла неприкрытая грусть.

– Андрасте даровала нам Долю, новую родину, которая должна была заменить старую. Вот только в конце концов люди отняли у нас и это. Теперь мы либо прозябаем и нищесуществоем в ваших городах, либо скитаемся беззаконными изгнанниками, но и в том и в другом случае мы никому не нужны.

Дункан насмешливо ухмыльнулся ей:

– Ай-ай-ай, какое горе! Бедные эльфики!

Магичка замахнулась сияющим посохом, метя ему в голову, однако Дункан ловко отпрыгнул в сторону и залился звонким смехом. В угрюмом сумраке туннеля этот смех прозвучал особенно неуместно.

– Бессердечный я, да? – ухмыльнулся Дункан. – Я, знаешь ли, вырос на улице, так что, если ты искала доказательства, что не все люди плохие, от меня ты ничего подобного не дождешься.

– Ты сам это начал, – напомнила она.

– Заговорил насчет короля, да?

Дункан кивнул на спутников, которые к этому времени уже изрядно ушли вперед. Фиона спохватилась и прибавила шагу, чтобы нагнать их. Дункан зашагал рядом с нею.

– Знаешь, все то, о чем ты говорила... все эти события произошли так давно, что о них едва ли помнят и самые заядлые книжники. Эльфы давно уже не рабы.

– Ты так думаешь? – Фиона помрачнела, и голос ее вдруг опасно зазвенел. – Ты и вправду считаешь, будто рабство в наши дни взяло да и испарилось само собой?

– Даже если и нет, я могу побиться об заклад, что король Мэрик не имеет к этому ни малейшего отношения.

Эльфийка кивнула, не сводя глаз со светловолосого человека, который шел впереди. Словно почувствовав ее пристальный взгляд, Мэрик остановился и удивленно оглянулся. Фиона не отвела глаз, и он, явно смешавшись, притворился, что смотрит совсем в другую сторону.

– Я это знаю, – вновь кивнула Фиона.

– Ты у нас смышленная, так что, думаю, знаешь.

Фиона устало вздохнула:

– Он считает, что ему живется нелегко.

– Может, так оно и есть. Лично я нипочем не хотел бы стать королем.

– Отчего же? – Фиона сумрачно взглянула на Дункана, и в глазах ее опять вспыхнул гнев. – Подумай, сколько всего ты мог бы сделать, если бы стал королем. Ты мог бы всего добиться, мог бы все изменить...

Дункан пренебрежительно рассмеялся:

– Я вырос на улице, но даже бродяжке хорошо известно, что король не всемогущ и не всесилен. – Он двинулся вперед, но Фиона не тронулась с места – так и стояла, глядя ему вслед. – Не знаю, что там, по-твоему, он должен был бы изменить, но, может, ты лучше скажешь об этом ему, а не мне? А теперь я пойду узнаю, нет ли у него каких-нибудь пожеланий. Может, он пошлет меня за ночным горшком.

– Неужели до сих пор так и не посылал? – рассмеялась Фиона.

– Еще не вечер. Если будешь так сверлить его взглядом, ему наверняка срочно захочется на горшок.

Миновал час за часом, а они все шли по Глубинным тропам. Приметы скверны становились все многочисленнее. Углубления каменного пола заполняли отвратительного вида заводи, и Келль предостерег спутников, чтобы не вздумали даже коснуться этой влаги. Заодно он прикрикнул на Кромсая, и пес попятился от воды, мудро решив, что этим утолять жажду не стоит. Дункан склонен был с ним согласиться. В этих заводах плавали кости... неведомо чьи кости. И что-то шевелилось в глубине – возможно, черви, но Дункан предпочитал над этим излишне не задумываться.

Гуще стали и скопления черных наростов, напоминавшие гигантскую грибницу. Они бугрились на стенах, смахивая порой на громадные расплывшиеся ульи, из которых расплзались, змеясь, черные щупальца. Все эти заросли покрывала уже знакомая маслянистая слизь. Время от времени ее вонь становилась настолько густой, что повисала испарениями в воздухе и едва не гасила факелы. Серые Стражи задыхались, давась этой вонью, и только настойчивость короля побуждала их продолжать путь.

Мэрик, судя по всему, считал, что они идут в верном направлении. Отряд миновал уже несколько ответвлений, и только на первом король заколебался. Дункан, однако, заметил, что он вовсе не прикидывал, каким путем идти дальше. Взгляд его стал отрешенным, и он погрузился в воспоминания, о которых не стал говорить вслух. Когда же наконец Мэрик заговорил и указал направление, голос его прозвучал вполне уверенно.

Дункан мог только гадать, что таилось в тех ответвлениях, мимо которых они прошли. Все эти коридоры были похожи как две капли воды, и совершенно неясно было, каким образом Мэрик отличал их друг от друга. Должно быть, прежнее путешествие по Глубинным тропам отчетливо сохранилось в его памяти. В таком случае Женевьева, наверное, была права, решив обратиться за помощью именно к королю Ферелдена. Если бы они случайно свернули не в тот коридор – кто знает, что поджидало бы их в конце пути?

Отряд дошел до руин гномьей перевалочной станции, когда командор объявила привал. От самого помещения мало что уцелело – остатки стен да кое-какое полуистлевшее оснащение, – но все понимали, что остановились они здесь вовсе не затем, чтобы любоваться местными достопримечательностями.

Порождения тьмы все ближе. И все ближе, если верить словам Мэрика, тейг Орган – об этом тоже никто из них не забывал. Дункану мерещились впереди бесчисленные орды чудовищ, как если бы отряд шаг за шагом приближался к черной бездне с тысячью глаз и все эти глаза смотрели именно на него. Одна мысль об этом повергала его в панический страх, от которого сводило судорогой живот. До сих пор он почти не сталкивался с порождениями тьмы, и вот теперь по доброй воле направляется туда, где их в избытке, – куда больше, чем ему хотелось бы. Пугающая перспектива.

Палатки поставили без пререканий. Когда-то, наверное, гномы останавливали здесь тех, кто путешествовал по Глубинным тропам, досматривали товары, а то и вжимали пошлину. А может быть, станцию возвели, чтобы следить за приближением врагов? Что было на самом деле, Дункан понятия не имел. Когда разразился первый Мор, болезненнее всего он ударил по гномам. Порождения тьмы хлынули на Глубинные тропы, и подземные жители отступили в Орзаммар, запечатав все выходы в туннели и бросив тех, кто остался по ту сторону печатей, на произвол судьбы.

Каково это было – понять, что спасения нет? Когда порождения тьмы волной хлынули, сметая все на своем пути, почти бесследно уничтожая целый народ? Гномы уж точно никогда не сомневались в том, что Мор может повториться, и всегда относились к Серым Стражам с куда большим уважением, чем прочие народы. Соплеменники Дункана были, само собой, куда менее безотказны. Слишком уж легко забывали они о том, что не маячило у них перед глазами.

Не то чтобы молодой Страж был лучше всего остального человечества и потому осуждающе взирал на него с высоты своего совершенства. Вовсе нет. Просто ему столько всякого

довелось повидать в жизни, что он прекрасно знал, на что способны люди. И как правило, считал, что было бы, в сущности, не так уж и плохо, если бы Мор прокатился по всему Тедасу и поглотил человечество, а потом, наверное, мучился бы отрыжкой и в конце концов выплюнул добычу.

Может, Дункану стоит как-нибудь сесть и составить список всего хорошего, что погибло бы вместе с человечеством. Печенье, например. Порождения тьмы могут стереть с лица Тедаса все печенье. Это было бы ужасно, и ради одного только их спасения стоило затевать нынешний поход.

– Почему мы остановились? – спросил Мэрик, почти бесшумно подойдя сзади.

В свете факелов Дункан заметил, что выглядит он неважно: бледное лицо блестит испариной как от лихорадки. Пребывание на Глубинных тропах явно не шло ему на пользу. Да и кому оно, впрочем, пошло бы на пользу?

– Скоро мы столкнемся с порождениями тьмы. И их будет много.

– В самом деле? Я не... ах да.

– Мы их чуем, – напомнил Дункан. – Думаю, продолжение пути сулит немало развлечений.

Он изо всех сил постарался, чтобы в этих словах прозвучала молодецкая удаль и уверенность, которой на самом деле он вовсе не испытывал.

Женевьева неумоимо вышагивала по краю лагеря, и ее взвинченное состояние малопомалу передалось остальным. Разговоров почти не было слышно, и после ужина, который состоял из сухих пайков и безвкусного вина, путники тесно сгрудились вокруг небольшого костра – костра, который командор позволила разжечь с большой неохотой. Никто из них не хотел признаваться, что, хотя все выбились из сил, одна мысль о том, чтобы хоть на миг сомкнуть глаза в этой гнетущей тьме, кажется почти невыносимой. Огонь дарил свет и тепло, и рядом с ним было чуть легче не вспоминать о том, что над ними нависает невообразимая толща земли и камня.

И все равно уныние очень скоро накрыло их с головой, точно погребальный саван.

Жюльен и Николас, устроившись на большом камне, играли в орлесианскую игру, где требовалось передвигать фигурки из слоновой кости по расчерченной на клетки доске. Дункану доводилось видеть, как богачи развлекаются этой забавой, но он понятия не имел, каковы ее правила и как она вообще называется. Судя по всему, игра требовала изрядной сосредоточенности – оба воина час-то морщили лбы и в задумчивости потирали подбородки.

Наверно, такая игра была под стать этой парочке. Когда Дункан только вступил в орден, он думал, что Жюльен и Николас братья, но потом оказалось, что они просто близкие друзья, которые предпочитают общество друг друга и по большей части держатся особняком. На памяти юноши Жюльен редко говорил зараз больше десяти слов, да и то только для того, чтобы уговорить Николаса. Манеры его отличались мягкостью, совершенно не похожей на грубоватую несдержанность друга.

Келль, сидевший напротив Дункана, сосредоточенно строгал поясным ножом древки стрел. Колчан его был уже полон, однако он не прекращал своего занятия. Вне сомнений, он считал, что все эти стрелы ему очень скоро понадобятся, и был, наверное, прав. Кромсай, свернувшись клубком около хозяина, взирал на него с обожанием и, наверное, жалел, что не может помочь ему в работе.

Все остальные просто глазели на огонь. Когда мимо проходила Женевьева, все застывали. Нельзя сказать, чтобы это бросалось в глаза: Жюльен и Николас, поглощенные игрой, замирали, не отрывая глаз от доски, а все прочие задерживали дыхание. Командор окидывала их жестким взглядом и шла дальше. Вслух она ничего не говорила, но явно считала, что, если уж никто не собирается спать, они с тем же успехом могли бы свернуть лагерь и двигаться дальше.

Постепенно это стало невыносимо. Все тело Дункана изнывало, требуя сна, и он уже несколько раз обнаруживал, что клюет носом, но тут же вскидывался. Костер источал блаженное тепло – единственный источник хоть чего-то приятного в этом Создателем забытом месте. Юноше хотелось обхватить огонь обеими руками и тесно прижать к себе. Может, хоть это помогло бы ему согреться и не дрожать от холода, а дрожал он теперь почти не переставая.

– Тебе нехорошо? – спросила Фиона, и голос ее прозвучал так неожиданно, что Дункан едва не подпрыгнул.

Он обернулся, одарил эльфийку мутным взглядом, не сразу сообразив, о чем она спрашивает, но в конце концов помотал головой.

– Хочешь сыграть? – предложила она. – У меня в мешке есть карты...

– Нет.

Дункана вновь пробрала сильная дрожь, и он принялся ожесточенно тереть руки. Все прочие отвлеклись от своих занятий и уставились на него, исподтишка переглядываясь.

– Ты уверен?

– Да! Уверен!

У костра опять стало тихо, и Дункан почти пожалел, что отказался. И принялся растирать руки, отметив мимоходом, что они заметно побледнели. «Забавно, – подумал он, – я полжизни мечтал о том, чтобы у меня была такая же светлая кожа, как у других детей, а для этого, оказывается, всего лишь нужно было как следует промерзнуть на Глубинных тропах».

– Может, подбросить топлива в костер, чтобы разгорелся пожарче? – предложил Келль.

– Мне и так хорошо! – огрызнулся Дункан.

Он чувствовал, что Фиона не сводит с него встревоженного взгляда, хотя заговорить не решается. А потому юноша крепко обхватил себя руками и придвинулся вплотную к огню, стараясь не показать своим видом, как ему дурно. Судя по тому, как неловко посматривали на него остальные, все его старания пропали втуне.

– Знаете, – вдруг подал голос Мэрик, который, сидя рядом с Дунканом, тоже грел руки у огня, – во времена мятежа у нас в ночь накануне битвы проводился некий обряд. Мы пускали по кругу емкость с гномьим элем и проверяли, кто сумеет больше выпить.

Ута ухмыльнулась и изобразила руками какой-то знак. Келль, все так же строгавший стрелы, с озадаченным видом оторвался от своего занятия.

– Она говорит, что это на самом деле не эль.

– А то я не знаю! Думается мне, его варят из грибов. Он черный, точно смола!

Дункан застонал:

– И вы это пили?

Король подмигнул ему и, сунув руку за пазуху, извлек из-под плаща большую серебряную флягу. Гномью руну, вычеканенную на боку у этой фляги, разглядели все, и кое-кто одобрительно присвистнул. Даже Николас и Жюльен заинтересовались происходящим. Из горлышка потянуло тошнотворно-сладковатой вонью – точно скунс заполз под сарай и там издох, а его труп долго разлагался на жаре.

Фиона рассмеялась, зажимая рот ладонью:

– Фу, какая гадость!

– Эту традицию ввела моя мать, – сказал Мэрик. Он поднес флягу к носу, принялся – и блаженно вздохнул, словно аромат содержимого нисколько не отдавал трупной вонью. – Она познакомилась с одним гномом, который оказался в немилости у орлесианцев. Мне было тогда лет пятнадцать. Как звали этого гнома, я забыл. Помню только, что такой курчавой бороды я в жизни ни у кого не видел. Как бы то ни было, гном какое-то время кочевал с нами и подарил нам целый бочонок гномьего эля.

Улыбка Мэрика вдруг стала нежной, в глазах мелькнула печаль. Дункану не сразу припомнилось, что мать короля убили, причем, судя по слухам, прямо у него на глазах. Интересно, правда ли это.

– Никто не хотел пить этот эль, но мать была так упряма, что терпеть не могла, когда что-то пропадало попусту, пусть даже подарок. А потому на следующую ночь перед боем она достала этот бочонок и зачерпнула из него кубком. На глазах у всех своих офицеров она осушила кубок, а потом подначила их проделать то же самое.

Мэрик рассмеялся – раскатистым, теплым смехом с оттенком грусти. Поколебавшись всего лишь долю секунды, он поднес флягу к губам и начал пить. Дункан почувствовал, как нос его сам собой сморщился от отвращения, – король сделал не один глоток, а целых два, потом оторвался от фляги и, расплывшись в безумной улыбке, удовлетворенно выдохнул:

– А-ах!

Ута показала жестом, что впечатлена.

– Согласен, – кивнул Николас.

– В ту, первую ночь я пил последним. – Мэрик улыбался, голос его звучал напряженно, как если бы эль обжег ему горло. – Я сделал один глоток, и меня вырвало прямо в костер.

Он повернулся и, чуть заметно вскинув бровь, протянул флягу Келлю.

Охотник поглядел на нее с явным сомнением, затем едва слышно вздохнул и, отложив нож и недоструганную стрелу, взял флягу. Поднес ее ко лбу и, глядя на короля, склонил голову в знак благодарности.

– Я проходил обучение с Воинами Пепла, – сказал охотник. И уставился внутрь фляги с таким видом, словно был уверен, что оттуда сейчас что-то выползет. – Они считают, что солдату нужно умереть еще до боя. Если ты не способен увидеть свою смерть и смириться с ней, она застигнет тебя врасплох. Перед моим первым боем они неглубоко изрезали меня до крови, а потом сыпали в ранки соль, покуда я не завопил от боли.

Келль вдруг ухмыльнулся. Дункану только сейчас пришло в голову, что он никогда не видел, чтобы охотник улыбался.

– И когда я заорал, они все так и покатались со смеху. Они, видите ли, бились об заклад, как долго я выдержу.

Он хлебнул изрядный глоток и лишь утер рот ладонью, ничем не показав, понравился ему вкус пойла или наоборот.

– Урок, который я получил, был таков: не делай всего, на что подговаривают тебя приятели просто потому, что их это забавляет. Наука явно не пошла мне впрок. – С этими словами Келль подмигнул Уте и передал ей флягу.

Рыжеволосая гномка внимательно рассмотрела руну на боку фляги и зажеликовала, обращаясь к Мэрику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.